

4.11. Спиноза

Чтобы я знал, что знаю, я по необходимости должен сначала знать.

Барух д' Эпиноза

(ברוך (Барух) – означает «Благословенный»)

«Когда Заратустре исполнилось 30 лет, покинул он озера своей родины, и ушел в горы. Там он наслаждался своим одиночеством, пока не изменилось его сердце. Однажды Заратустра встал рано утром перед СОЛНЦЕМ и сказал: «ВЕЛИКОЕ СВЕТИЛО! К чему свелось бы ТВОЕ Счастье, если бы не было у ТЕБЯ тех, кому ТЫ Светишь? Каждое утро я, мой орел и моя змея поджидали ТЕБЯ, и принимали от ТЕБЯ избыток благодати, и благословляли ТЕБЯ. Я пресытился ТВОЕЙ мудростью, как пчела, собравшая слишком много меда; мне нужны руки, простертые ко мне. Я хотел бы одарять бедных – богатством, а мудрых – радостью их безумства. Так Благослови же меня, ТЫ, СПОКОЙНОЕ ОКО, Взвращающее на безмерно большое Счастье! Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага жизни текла из нее повсюду, разнося Отблеск ТВОЕЙ Отрады! Эта чаша опять хочет стать пустою – Заратустра хочет снова стать человеком».

Так начался закат Заратустры.

У подножья горы Заратустру встретили старцы: «Зачем ты несешь огонь в долину?», «Там ждет тебя кара поджигателя», «Ты проснулся, чего же ты хочешь от спящих?», «Как море ты жил в одиночестве, и МОРЕ носило тебя! Увы, ты снова хочешь выйти на сушу, чтобы таскать свое тело?»

Заратустра ответил: «Я люблю людей. Что говорю я о Любви? Я несу им дар».

– Не давай им ничего – взмолились старцы. – Лучшие сними с них, чтонибудь и носи вместе с ними. Это будет лучше для них, если это будет лучше и для тебя. Если ты хочешь им дать – дай им не больше милостыни, и еще заставь их просить!

– Нет, – отвечал Заратустра, – я не даю милостыню. Для этого я недостаточно беден.

– Что же пришел ты дать и нам, Заратустра? – спросили старцы.

– Что я могу вам дать? Позвольте мне скорее уйти! Чтобы чего-нибудь я не взял у вас!

Старцы рассмеялись ему вслед.

«Сейчас они смеются, а потом будут плакать, – подумал Заратустра, – земля устала от них. Неужели они не слышали в своем лесу, что Б-Г Послал сказать, что ОН Мертв ???!»

Прежде хула на Б-ГА была великой хулой. Но Б-Г Сказал, что ОН Умер, вместе с этим умерли и ЕГО хулители. Теперь хулить землю – самое ужасное преступление, так же как чтить СУЩНОСТЬ НЕПОСИЖИМОГО выше, чем смысл земли. Ибо смыл земли – Сверхчеловек. Смотрите, Я учу вас о Сверхчеловеке: Он море, в котором потонет ваше презрение. Он час, в который вы говорите: «В чем моя жалость?! Разве жалость не крест, к которому пригвождается всякий, кто любит людей?!» Но где же та Молния, которая лизнет и вас? Где то безумие, которое надо бы вам привить? Ибо к Небу вопиет ничтожество ваших грехов.

«Счастье уже найдено нами», – говорят последние люди и моргают. В них душа умирает раньше тела, а нужно носить в себе еще хаос, чтобы родить танцующую звезду. Счастье же, когда над тобой смеются, ибо это спасает тебя от ненависти правоверных. Неужели людям нужно сначала разорвать уши, чтобы они научились слушать глазами?!

Я же Люблю тех, кто не умеет жить иначе как чтобы погибнуть, тех, кто приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала телом Сверхчеловека» (Анти-Ницше).

Надо еще научиться читать сумасшедших, ибо они пищут ложь, не подозревая, что это правда; а правду – без оглядки на последствия. Через безумие сумасшедших Б-Г говорит к прислушивающимся.

«Если бы Ницше не умер в муках рождения, когда его душа стала ареной борьбы Истины и лжи, он оставил бы нам великие поучения» (Л.Н. Толстой).

Ницше как-то высказался, что Б-г умер, и он был на Его похоронах. Говорят, Гитлер взялся подтвердить слова Ницше посредством уничтожения всех евреев – т. е. стереть с лица земли прямое свидетельство При-сутствия ТВОРЦА в этом мире.

Мы только начинаем дотягиваться до научной теологии Баруха Спинозы. На протяжении трех последних веков Спинозу то клеймили как «мертвую собаку», то возвеличивали как «Моисея вольнодумцев и инакомыслящих», то восхваляли как «Стоика Нового времени». Материалисты и идеалисты с одинаковым энтузиазмом искали аргументы и доводы вписать имя этого гения в списки своих единомышленников. Но Спиноза так и остался недостижимым до понимания как одних, так и других.

Творчество Спинозы неразрывно связано с адаптацией Света и Росы ТОРЫ к условиям набирающего силу механистического естествознания. Он пришел в мир в то время, когда западная цивилизация неуклонно скаты-

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

вალაშ в рамкИ ограниченных представлений о матерИИ как о косном инертном начале, лишенном всякой активности и творческих возможностей и потому нуждающемся в первотолчке со стороны высшего нематериального Начала – Б-ГА. Многие европейские мыслители, среди которых выделялись Декарт и Лейбниц, поместили Б-ГА как Творческое Начало вне материальной природы. Они полагали природу состоящей из единого материального субстрата наподобие эфира. Вещи в такой природе рассматривались как локальные искажения, сгущения и вихреобразные движения этого материального субстрата. ТВОРЕЦ же был провозглашен Властелином Небесной, Мыслительной инстанции идеального мира. Это отделение матерИИ от Б-ГА в конце концов привело к атеизму – крайней форме материализма.

Напомним, что Декарт расчленил Единый Мир на две независимые друг от друга субстанции: духовную и материальную (тело и душу). Неотъемлемым свойством, или атрибутом, матерИИ он считал протяжение, а атрибутом духовной субстанции – Мышление. Данное расчленение в совокупности с деятельностью инквизиции явилось предпосылкой для активного постижения и исследования очевидной, близлежащей и доступной материальности и к забвению запрещенной инквизицией духовной экзистенции Высшей Реальности. Данные обстоятельства привели к колоссальному перекосу в знаниях западной цивилизации в пользу материализма. Грандиозные и ошеломляющие достижения Науки в области постижения свойств и глубин матерИИ и забвение Духовного привели в результате к «монотеистическому» перевертышу (изнанки) Теологии – диалектичному материализму. В рамках материализма сознание и мышление трактуются уже не как картезианское активное, побудительное Начало, а как вторичный продукт высокоорганизованной матерИИ, возникающий в результате борьбы за выживание. По материализму, выживает даже не самый сильный, а самый умный. По материализму, самое коварное животное – человек. В таком царственно-величественном мире невыразимо красиво организованной и таинственной материальности уже не нашлось места для Б-ГА Любви. И эту «Духовную Пустоту» не преминула заполнить «Ненависть», унесшая сотни миллионов жизней на полях гражданских и мировых войн.

Спиноза выступил защитником взглядов ТОРЫ и Каболы в терминах натуральной философии. Он отстаивал еврейский взгляд на основы Мироздания вне привычной для еврейства терминологии внешнего, философствующего мира. Поэтому Спиноза оказался не понятым как соплеменниками, воспитанными на ТОРЕ и Талмуде, так и христианами, выросшими корнями в Библию и Евангелие и жадно впитывающими плоды светского просвещения. Для нас же, сторонников взглядов на Мир с позиций естественной теологии, воззрения Баруха д'Эспинозы, обогащенного глубочайшими познаниями в ТОРЕ и Каболе, просто бесценны.

В свободное от философских трудов время Спиноза шлифовал линзы для телескопов. Любопытно, что именно благодаря телескопу зимой 1609/10 года Галилео Галилей увидел четыре луны, вращающиеся вокруг Юпитера, что внесло смуту в умы католической инквизиции и привело к серьезному восприятию гелиоцентрической системы, предложенной Николаем Коперником в 1543 г. Галилея вызвали в Рим, где он предстал перед инквизицией. На допросах Галилея вынудили отказаться от своих открытий. В 1992 году, через 350 лет после смерти Галилея, Католическая церковь признала, что Галилей был прав. Хотя, согласно теории относительности в вопросах движения каждый имеет право на свою точку зрения, и при этом каждый оказывается правым.

Чтобы понять масштабы личности Спинозы, приведем выдержку из [87]: «Барух Спиноза первым решился на систематический и обстоятельный разбор Танаха. В «Богословско-политическом трактате», вышедшем в 1670 г., Спиноза расшифровывает туманные высказывания Ибн-Эзры в его комментариях к Второзаконию: «За Иорданом и проч., лишь только уразумеешь тайну двенадцати – и Моисей написал также закон. И ханаанец тогда был на земле; на горе Б-ЖИЕЙ будет открыто; потому также вот постель его – постель железная; тогда узнаешь истину». Ибн-Эзра сулил истину тому, кто разгадает загадку. Спиноза дал следующее объяснение: 1. «За Иорданом...» – Второзаконие начинается словами о том, что Моисей говорил «всем израильтянам за Иорданом [Второзаконие 1:1]. Имеется, конечно, в виду восточный берег Иордана, тот, с которого израильтяне пришли и с которого переправились на западный берег, в Ханаан, а не внутренний, ханаанский берег, так как Моисей, по Библии, не переходил Иордан. Но если написано, что Моисей говорил «за Иорданом», значит, сам писавший в это время находился на западном его берегу. Значит, рассуждал Спиноза, Моисей никак не мог написать Второзаконие. 2. «Тайна двенадцати...» – эту тайну Спиноза толкует следующим образом. В Танахе несколько раз говорится, что весь ЗАКОН Моисей написал по окружности алтаря на 70-ти языках, чтобы все народы могли постигать ТОРУ. Алтарь этот состоял, как принято считать в раввинской литературе, из двенадцати камней. Много ли можно выбить на двенадцати камнях? Во всяком случае, Спиноза подвергает сомнению, что текст Хумаша (Пяти Книг ЗАКОНА), которые считаются Моисеевыми, в переводах на семьдесят языков народов мира, могли уместиться бы на этих двенадцати камнях. Следовательно, говорит Спиноза, Моисеев закон был несравненно меньше, чем Хумаш (Пятикнижие). Значит, Пятикнижие в целом не должно приписываться Моисею. 3. «И написал Моисей закон...» – это слова из Второзакония 31. 9. Зачем бы стал Моисей писать о себе в третьем лице? Казалось бы, он должен был сказать о себе: «я написал закон!» Из этого Спиноза вновь выводит, что не Моисей писал эти слова. 4. «Ханаанец тогда был на земле...» – эти слова из первой книги Пяти-

книжия, из книги Бытие (12: 6). Если сказано, что «тогда был» ханаанец в этой стране, значит, имеется в виду, что теперь его там нет. А ханаанцы были изгнаны из своей страны евреями, как говорится в Танахе, после смерти Моисея. Следовательно, рассуждает Спиноза, эти слова были написаны не Моисеем. Значит, даже книга Бытия не может вся приписываться Моисею. 5. «Гора Б-ЖИЯ...» – это тоже из книги Бытие (22:14). Речь идет о горе Мория. Но название Б-ЖИЕЙ эта гора Мория получила только после того, как было решено построить на ней храм, а это было сделано, как рассказывается в Танахе, много позже после смерти Моисея. Значит, Моисей не мог называть ее Б-ЖИЕЙ, и это место книги Бытия тоже написано не Моисеем. 6. «Постель его – постель железная...» – это из Второзакония 3:11, где рассказывается о том, как израильтяне, ведомые Моисеем, победили царя Васанского – Ога. После рассказа об этом событии следует ссылка на «одр», т. е. кровать побежденного царя: "вот, одр его, одр железный, и теперь в Равве, у сынов Аммоновых". Спиноза указывает на то, что так можно говорить только о событиях, происходивших давно. В подтверждение он еще ссылается на другую библейскую книгу – 2-ю книгу Самуила (в русских изданиях Библии книги Самуила называются I и II книгами Царств). Там рассказывается, что царь Давид взял с боем город Рабат (Равва), принадлежавший аммонитянам. Найти одр царя Ога израильтяне могли в Рабате (Равве) только после завоевания этого города. Значит, ссылка Второзакония на то, что «одр» находится в Рабате (Равве), может относиться не к временам Моисея, а к значительно более поздним временам царя Давида. Значит, не Моисеем написано и это место Пятикнижия.

На основании такого анализа Спиноза делает вывод, что загадочный текст Ибн-Эзры намекает на то, что не Моисею принадлежит авторство Пятикнижия. Почему же Ибн-Эзра прямо не сказал этого, а облек свою мысль в форму темной и причудливой загадки? Он боялся обвинений, преследований. Спиноза говорил, что сам он не побойлся открыто высказать истину.

Глубочайший анализ Танаха привел Спинозу к убеждению в том, что Пятикнижие написано не Моисеем. В доказательство этого он дополняет собственные изыскания. Спиноза указывает, что много раз в Пятикнижии говорится о Моисее в третьем лице: «Б-Г говорил с Моисеем», «Моисей вышел к народу», «Моисей сделал...» и т. д. Может быть, это просто условная манера изложения? Может быть, в древнееврейской литературе вообще была принята такая форма письма? Есть ведь и теперь некоторые литературные условности, например, современный автор говорит о себе «мы считаем» или «по нашему мнению» вместо «я считаю», «я писал»... Но в других местах Пятикнижия Моисей говорит о себе в первом лице! Например, в во второй главе Второзакония (2: 2,9,17) мы находим несколько таких фраз: «И сказал мне господь». Значит, не было такого правила или обыкновения писать о себе в третьем лице. Поэтому можно заключить, что написанное о Моисее в третьем лице принадлежит не ему, а кому-то другому. Более того, подчеркивает Спиноза, Моисею даются в Пятикнижии такие характеристики, которых он сам себе не мог давать. Например, в книге Числа (12:3) говорится: «Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле». Во Второзаконии (33:1) сказано, что «Моисей человек Б-ЖИЙ» и что «не было более у Израиля пророка такого, как Моисей» (Второзаконие 34:10). Спиноза утверждает, что трудно представить себе, чтобы человек сам так расхваливал себя. Некоторые местности именуются в Пятикнижии не теми именами, которые они носили во времена Моисея, а теми, которые они получили значительно позднее. Например, в книге Бытие (14:14) говорится о том, что Авраам преследовал врагов до Дана, а в книге Судей (18: 27–29) находим: «одно из «колен Израилевых», а именно Дан, устроило набег на город Лаис «против народа спокойного и беспечного», перебило население, разрушило город. «И построили город (заново) и поселились в нем. И нарекли имя городу: Дан, по имени отца своего Дана». Здесь рассказывается о событиях, которые имели место значительно позже смерти Моисея и его преемника Иисуса Навина. Мог ли Моисей в книге Бытия писать о городе, который был построен через столетия после его смерти?! Пятикнижие подробно описывает смерть Моисея: «И умер там Моисей, раб ГОСПОДЕНЬ, в земле Моавитской, по слову ГОСПОДА. И погребен в долине земли Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает (места) погребения его даже до сего дня». «Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась. И оплакивали Моисея сыны Израилевы на равнинах Моавитских (у Иордана близ Иерихона) тридцать дней. И прошли дни плача и сетования о Моисее» (Библия, Второзаконие, 34: 5 – 8). Как же может человек так описывать свою собственную смерть и те события, которые после нее происходили?

В «Богословско-политическом трактате» Спиноза приводит еще множество других доводов в пользу доказательства утверждения, что Пятикнижие написано не Моисеем. Общий вывод Спиноза делает такой: «...Из всего этого яснее дневного света видно, что Пятикнижие было написано не Моисеем, но другим, кто жил много веков спустя после него» (Спиноза Б., Избранные произведения, т. II, –М. Госполитиздат, 1957, стр. 130–131). Историческое существование Моисея как личности Спиноза не отрицал. Он считал, что Моисей действительно жил и руководил древними евреями и написал Книги. Но это были, полагал Спиноза, не те книги, которые составили Пятикнижие, а какие-то другие. Часть их текста, видимо, не дошла до нас, а некоторые отрывки могли быть включены в Пятикнижие. Но в целом считать автором Пятикнижия Моисея Спиноза решительно отказывался. Что вызвало невероятное негодование его соплеменников.

Так кто же автор Пятикнижия? И был ли он один, или Пятикнижие является коллективным произведением? На этот вопрос Спиноза также пытался дать обоснованный ответ, соответствующий историческим фактам и требованиям здравого мышления. Рассматривая ряд книг Танаха, следующих после Пятикнижия, Спиноза

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

заметил, что у них много общего с Пятикнижием. Прежде всего, они все написаны не теми людьми, которым приписывается их авторство. Не Иисус Навин был автором книги Иисуса Навина, не сами судьи были авторами книги Судей Израилевых, не пророк Самуил написал книгу, которая называется его именем. Чем это можно доказать?

В книге Иисуса Навина рассказывается о его смерти и о последующих событиях. Но сообщать о том, как израильтяне похоронили его, как после его смерти они почитали ЯХ-ВЕ, только пока были живы старейшины, знавшие Иисуса. В книге Судей часто упоминается, что в те времена, о которых там говорится, у евреев еще не было царей. Очевидно, это писали тогда, когда цари у евреев уже были. Между тем эпоха царей была в истории еврейского народа после эпохи судей. Значит, книга Судей была написана не судьями. То же относится и к книге Самуила, и к подавляющему большинству других книг Ветхого Завета. Для решения вопроса о том, кто был действительным автором или авторами основных книг Ветхого Завета, Спиноза считал очень существенным следующее наблюдение: во всех книгах Пятикнижия, а также в книгах Иисуса Навина, Судей, Руфи, Самуила чувствуется определенная преемственная связь – каждая последующая начинается с того, чем кончается предшествовавшая. Через все книги проходит единая нить: «...Все эти книги клонят к одному, именно: научить изречениям и постановлениям Моисея и доказать их посредством хода событий» (Спиноза Б., Избранные произведения, т. II, стр.135). Из этого Спиноза делает вывод о том, что все они были составлены одним и тем же человеком, «желавшим написать об иудейских древностях от первого их начала до первого разрушения города» (там же, стр.134). И этим человеком, полагал Спиноза, был не кто иной, как пророк Ездра, именем которого в Ветхом Завете названы три небольшие книги. (В православный канон включена только одна.) Высказывая это предположение, Спиноза ссылается на некоторые «солидные данные», на которых основано его предположение. Что это за данные? В книге Неемии рассказывается о том, что первосвященник Ездра в Иерусалиме при огромном стечении народа «от рассвета до полудня» читал вслух Закон Моисея. Спиноза считает, что это было не все Пятикнижие, а только Второзаконие, в котором устанавливаются правила поведения верующих иудеев, ибо Ездра в обстановке разброда после вавилонского плена был больше всего заинтересован в наведении общественного порядка и, возможно, пытался сделать это при помощи внушения народу правил и заповедей Второзакония. Спиноза считает возможным, что Ездра же и написал текст оглашенного им Закона. А после того, как он пустил Второзаконие в ход, возникла необходимость в его обосновании. Тогда, говорит Спиноза, Ездра "приложил старание к тому, чтобы написать всю историю еврейской нации, т. е. от сотворения мира до окончательного разорения города (Иерусалима). В нее он вставил в свое место и эту книгу Второзакония" (там же, стр.137). Таким образом, согласно Спинозе, иудейский первосвященник Ездра написал сначала своего рода свод законов – Второзаконие, а потом освятил его при помощи дополнительно составленных остальных книг. Это не значит, по мнению Спинозы, что Ездра сам сочинил все эти книги. До него многое было написано другими, но не было соединено вместе, не было расположено по определенной системе. Ездра «собрал истории из разных авторов, а иногда просто списал и оставил их потомкам еще не проверенными и не приведенными в порядок» (Спиноза Б., Избранные произведения, т. II, стр.138). Сопоставляя отдельные места текста, Спиноза находит огромное количество несогласованных между собой всевозможных противоречий и несообразностей. Мы не можем дать здесь подробное изложение этой части книги Спинозы, но вот несколько примеров. В гл.38 е Книги Бытия рассказывается история о том, как сын праотца Иакова Иуда согрешил со своей снохой Фамарью. По времени это событие относится к промежутку между отводом Иосифа в Египет и отправлением туда Иакова со всем семейством. Этот промежуток, согласно Библии, не может считаться большим, чем 22 года. А за это время, по Библии же, произошли такие события: Иуда женился, у него родился сын, вырос, женился на Фамари, умер; после этого на ней женился его младший брат, который тоже умер; Иуда сошелся со снохой, она родила ему двоих сыновей, из которых один тоже успел стать отцом; и все это за 22 года! Сопоставляя различные даты Книги Бытия, Спиноза приходит к выводу, что Иакову должно было быть 84 года, когда он женился на Лии, что Дине было едва 7 лет, когда она претерпела насилие от Сихема, что Симеону и Левию было 11–12 лет, когда они перебили всех жителей этого города и разграбили их достояние. Спиноза находит в тексте Ветхого Завета много пропусков, разрывов в изложении, много повторений и параллельных мест. Если прибавить еще ко всему этому наличие мест, прямо противоречащих одно другому, то получится чрезвычайно беспорядочная картина. «...Раввины, – писал Спиноза, – совершенно безумствуют; комментаторы же, которых я прочел, бредят, выдумывают и, наконец, совершенно искажают сам язык» [Там же, стр.143 – 144.]. Они толкуют библейские тексты самым произвольным образом, чтобы только придать им смысл. Спиноза бросает вызов всем комментаторам Библии: «Пусть они объяснят ветхозаветные несуразности без насилия над языком и здравым смыслом, и, если найдется такой, – говорит он, – «я тотчас протяну ему руки, и будет он для меня великим оракулом» (Спиноза Б., Избранные произведения, т. II, стр.144). Но такого не нашлось и не найдется! Как же сам Спиноза объяснял противоречия и несогласованности в основных книгах Ветхого Завета? Ведь, казалось бы, если их составил один автор (Ездра), то противоречий не должно быть. Спиноза считал, что Ездра просто по каким-то причинам не сумел или не успел провести соответствующую редакционную работу, чтобы свести концы с концами во всех отдельных сочинениях, включенных им в один свод. Может быть, говорит он, ему помешала преждевременная смерть, может быть, здесь действовали какие-то другие, оставшиеся неизвестными

причины. Во всяком случае, Ездра не довел до конца свою редакционную работу, а так как эти книги были признаны священными подвергать их переработке было нельзя, то все противоречия и несуразности так в них и остались. Что касается самих трех книг, которые формально именуются книгами Ездры, то Спиноза считал, что они Ездру не принадлежат, ибо были написаны через много лет после его смерти. Мы не будем вдаваться во все подробности рассуждений Спинозы по этому вопросу, укажем только на вывод, к которому он пришел: «Мы утверждаем, – писал Спиноза, – что эти четыре книги, именно: Даниила, Ездры, Есфири и Неемии, были написаны одним и тем же историком» (там же, стр.156). За отсутствием достаточных данных Спиноза не решает вопрос о том, кем они были написаны; он лишь предполагает, что материалом для составления этих книг должны были служить летописи, или «временники», ведшиеся писцами или историографами, которых содержали иудейские цари при Иерусалимском Храме. Ряд подобных соображений высказал Спиноза и по поводу остальных книг Ветхого Завета, включая все книги пророков и псалмы. В отношении же всего канона ветхозаветных книг философ сделал предположение, что он был составлен поздно – во времена Маккавеев, т. е. не раньше середины II века до н.э.

Таким образом, не только по поводу авторства и даты написания отдельных книг Ветхого Завета, но и по поводу составления всего Ветхозаветного Канона Спиноза опроверг утверждения как раввинов, так и христианских богословов, призывающих верить в древность ветхозаветных книг и в их принадлежность Моисею, Иисусу Навину и другим почитаемым церковью личностям. Не все утверждения Спинозы полностью подтвердились позднейшими исследованиями. Но самый метод исследования Библии, примененный великим философом, имел огромное значение. Спиноза тщательно изучал текст каждой библейской книги, сопоставлял между собой содержание отдельных книг и всех ветхозаветных книг в целом с историческими материалами и в конце концов делал выводы, основываясь не на авторитете Писания, считавшегося священным, а на здравом смысле и логике.

Мы привели здесь статью о Спинозе вовсе не потому, что разделяем его взгляды по отношению ТОРЕ. На наш взгляд, в Мире ничего не происходит, не будь на то Воли Б-ГА, ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ. Тем более Священное Писание. Мы убеждены, что дошедшая до нас ТОРА, включая все Книги Танаха, все канонизированные Евангелия и Коран, независимо от того, кем и как Они были написаны, это именно то, что ТВОРЕЦ хотел сказать людям, прежде чем ОН окончательно Сокрылся от этого мира после разрушения второго Иерусалимского Храма, где явно пребывала ЕГО Шхина. От нас сокрыта тайна написания ТОРЫ, раввины и христианские священники действительно не владеют отчетливым пониманием истории ЕЕ появления, но в одном они абсолютно правы: Все, что говорит ТОРА, – ИСТИНА. Как же это может быть? Просто мы логически воспринимаем лишь земной «срез» ТОРЫ, но ТОРА выходит за пределы этого мира, что отчасти вмещает Кабола. Например, если Талмуд утверждает, что Хумаш написан Моше Рабейну, а земные факты, подмеченные Спинозой, свидетельствуют о том, что значительную лепту в этот процесс внес Ездра, то в рамках Каболы данная проблема может иметь довольно простое разрешение. Чтобы ИСТИНА осталась Истиной можно предположить, что Душа Моисея возвращалась на землю в теле под именем Ездра, чтобы завершить начатое им же Писание. Или, выражаясь языком Каболы Ездра – это *гильгуль* (перевоплощение) Моисея. ТОРА говорит о Ездру: «Он был книжник, сведущий в Законе Моисеевом, который дал ГОСПОДЬ, Б-Г Израилев» (Ездра, 7:6). «Потому, что Ездра расположил сердце свое к тому, чтобы изучать Закон ГОСПОДЕНЬ и исполнять, и учить в Израиле Закону и Правде». В жизнях Моисея и Ездры много параллелей. Например, Моисей выводил евреев из египетского плена. Ездра же был одним из тех, кто выводил евреев (в частности, кознов и левитов, привратников и певцов Храма и нефинеев) из плена вавилонского. Только Моисей так и не вошел в Землю Обетованную из-за того, что народ испугался переходить Иордан с первого Указания ВСЕВЫШНЕГО.

Если бы Моше Рабейну вошел в Землю Обетованную, то произошел бы полный «Тикун» (Исправление Миров). Во время жизни Моше птицы охраняли стан Израиля, и участвовали в истреблении его врагов. После смерти Моше птицы не стали перелетать через Иордан. Израиль остался без поддержки с воздуха и не смог выполнить Волю ВСЕВЫШНЕГО в полной мере.

Ездра же вошел, поскольку народ стал возвращаться в разваленную и опустевшую Иудею по первому Зову, хотя им жилось в Вавилоне значительно лучше, чем в Египте. Недаром ТОРА называет первых вернувшихся евреев поименно и поплеменно, с упоминанием числа их рабов, коней, лошаков, верблюдов и ослов (Ездра, 2:1–67). Моисею стоило бы воплотиться в Ездру, чтобы ради торжества исторической справедливости войти в Землю Обетованную. Кстати, для Талмуда вопрос переселения душ не является чем-то из ряда вон выходящим. Например, мудрецы Талмуда утверждают, что ревнитель ГОСПОДЕНЬ Пинхас (Финес – сын Арона, сын Елеазара, первосвященник) и Элиягу (пророк Илия) – это одно и то же лицо (Комментарий 11 на главу Пинхас в [68]), хотя их разделяет промежуток времени примерно в 500 лет.

Любопытны еще несколько параллелей. Книга Ездры практически начинается с перечисления имен пионеров, возвратившихся в Иудею из вавилонского плена. И история отказа израильтян войти в Землю Обетованную начинается с перечисления имен разведчиков (Числа, 13: 4–18). Моисей не был среди разведчиков, и Ездра не был среди первых вернувшихся. Моисей противостоял слиянию Израиля с Мидьяном, и Ездра восстал про-

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

тив смешанных браков. Не менее любопытно, что ревность именно Пинхаса (Финеса) при Моисее остановила грехопадение Израиля, начавшегося по навету Бильяма (Валаама), а Ездра как раз и являлся прямым потомком Пинхаса (Ездра, 7:1–5).

«Рави Иосе учил: - Ездра, не предупреди его Моисей, был достоин, чтобы через него была Дана ТОРА народу Израиля» (Талмуд, Санегдрин, 20).

Есть еще одно интересное совпадение. Пепел красной (рыжей) коровы первый раз был приготовлен перед Моисеем, а второй раз перед Эзрой (Ездрой) [113, стр 929]. Комментаторы полагают, что после смерти Ездры и до разрушения второго Иерусалимского Храма священный, очистительный пепел готовили еще пять раз. Таким образом, за всю историю Израиля это ритуальное действие было совершено всего семь раз.

И Б-Г Шел перед ними, днем – в столпе облачном, чтобы вести их по пути, а ночью – в столпе огненном, чтобы им светить (ТОРА, Шмот, 13:21).

В Брайте (Тосафот Шаббат, 22б), говорится, что облачный столп можно было использовать не только для указания пути, по которому следовало идти, но и для просвечивания костей, и таким образом узнавать, что у человека внутри или внутри сосуда [120]. Тело красной (рыжей) коровы запрещалось резать после ихиты (т. е. «убоя», Хулин, 11а). Но она должна была быть совершенно здоровой, без каких-либо внутренних болезней и изъянов. Поэтому красную корову, которую зарезали при Моисее в пустыне, проверили в 18 местах ее внутренних органов (как написано в Таргуме Йонатана бен Уziel, ТОРА, Бемидбар, 19:3) без каких-либо разрезов на теле. Это сделали благодаря тому, что тело около облачного столпа становилось прозрачным [120].

Обилие взаимосвязей между личностями Моисея и Ездры может служить прямым указанием ТОРЫ: что было начато Моисеем – завершено Ездрой, и все это – одна личность (Духовная единица) – Моше Рабейну.

Спиноза – обладатель колоссального рационального рассудка, не считал для себя возможным подняться выше прямой прагматичной Истины. Ради этой усеченной, но конкретной и прямой Истины он противопоставил себя иудейскому и христианскому мирам, объявив Священное Писание набором плохо согласованных (т. е. логически не связанных) и потому не завершенных писаний. Служение этой Истине он засвидетельствовал нищетой и тотальным одиночеством.

Формула отречения, которому раввины Амстердама подвергли Спинозу (1656 г.): «По произволению ангелов и приговору святых мы отлучаем, изгоняем и предаем осуждению и проклятию Баруха д' Эспинозу с согласия Святого Б-ГА и всей святой общины... Да будет он пр-клят и днем и ночью. Да будет пр-клят, когда ложится и когда встает от сна. Да будет пр-клят при выходе и при входе! Да не пр-стит ему Господь Б-Г, да р-зразятся Его гнев и Его миц-ние над человеком сим, и да тяготят над ним все проклятия, написанные в Книге законов. Да с-трет Господь Б-Г имя его под небом и да пр-даст его злу, отделив от всех колен Израилевых, со всеми небесными пр-клятиями, написанными в Книге законов. Вы же твердо держитесь Господа вашего Б-ГА, все вы ныне да здравствуете. Предупреждаем вас, что никто не должен говорить с ним ни устно, ни письменно, не оказывать ему какую-либо услугу, не проживать с ним под одной кровлей, ни стоять от него ближе, чем на четыре локтя, ни читать ничего им составленного или написанного».

Мы намеренно опустили гласные буквы в словах проклятия, чтобы, не дай Б-Г, что-либо случилось плохого с этим достойнейшим из людей.

Сестры Спинозы Мирьям и Ребекка после его отречения от иудейской общины Амстердама оспаривали право Спинозы на отцовское наследство. Спиноза начал судебный процесс и выиграл дело, однако наследства не принял, поскольку возбудил тяжбу только ради защиты права как такового, а не из-за имущества.

После изгнания из общины Спиноза нашел приют в небольшой деревне в окрестностях Амстердама, где сочинил «Апологию» в защиту собственной позиции. Позднее он перебрался в Рейнсбург вблизи Лейдена, оттуда – в Ворбург, в окрестностях Гааги, где жил в меблированных комнатах, а с 1670 г. поселился в Гааге в доме художника Ван дер Спика.

Спиноза научился шлифовать оптические стекла. Доходы от этой работы покрывали большую часть его потребностей. Спиноза вел весьма скромный образ жизни (единственная роскошь, которую он себе позволял, – книги), он обходился немногим.

Богатые и влиятельные почитатели его таланта и друзья предлагали ему крупные дары, но он ничего не принимал, или же, как в случае с рентой обеспечения, подаренной С. де Врисом, согласился взять, но с условием резко уменьшить ее величину.

Отлучение от синагоги, имевшее юридические и социальные последствия, изолировало его от иудеев, но не отделило от христиан (к вере которых, тем не менее, Спиноза не примкнул). Он был принят в кругах христиан, склонных к открытости и религиозной терпимости. Спиноза познакомился с такими влиятельными лицами, как

братья де Витт (они возглавляли демократическую партию), Гюйгенс. Ему покровительствовали другие образованные и прославленные люди. В 1673 г. философу предложили занять университетскую кафедру в Гейдельберге, однако он вежливо, но твердо отказался, опасаясь, что официальный пост университетского профессора ограничит его свободу как мыслителя.

Всю жизнь Спиноза страдал от болезни легких. Приземленность конкретного мышления не допускала до него целительного воздействия Стихии «Воздух» или, наоборот, недостаток животворящего Духа «Воздуха» пагубно влиял на его здоровье и приземлял рассудок. Трудно сказать, возымело ли место проклятие (карет) или аскетизм был нормой жизни философа, но умер Спиноза на 45 году жизни в ужасающей бедности, лежа на голой деревянной кровати в крошечной комнате. Одиночество сохранило тайны, унесенные мыслителем в Бесконечность. Он умер от туберкулеза в 1677 г. в возрасте 44 лет. Первое сочинение Спинозы – «Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье», написанный, скорее всего, в 1660 г. (он оставался неизданным до прошлого века). К 1661 г. относится «Трактат об усовершенствовании разума». Шедевр, ставший трудом всей жизни автора, – «Этика» (начат примерно в 1661 г.), опубликован после смерти Спинозы в 1677 г. вместе с «Трактатом об усовершенствовании разума», «Политическим трактатом» и «Перепиской». Единственным сочинением, опубликованным при жизни Спинозы под его собственным именем, были «Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом» с приложением «Метафизических размышлений». Анонимно и с неверным указанием места издания был опубликован в 1670 г. «Богословско-политический трактат», вызвавший шумную и ожесточенную полемику.

Спиноза был широко образованным ученым, источники его вдохновения – самые разнообразные: поздняя античная философия, средневековая иудейская схоластика Маймонида, схоластика XVI – XVII веков, философия Возрождения (Дж. Бруно и Леон Еврей). Из современников наибольшее влияние на Спинозу имели Декарт и Гоббс. Новый синтез стал важнейшим этапом западной философии.

На печати Спинозы для писем имела эмблема: роза с надписью сверху: «Caute» («Осмотрительно»), что отчасти свидетельствует о его принадлежности к ордену Розенкрейцеров.

Чувствуя, что конец близок, он позаботился, чтобы ни один священник не был допущен к его смертному одру. Он боялся проявить слабость и позволить извлечь выгоду из его уступок своим принципам.

Насколько же ценен для нас натурфилософский взгляд этого столь щепетильного в отношении к Истине и насквозь пропитанного ТОРОЙ человеческого рассудка на вопросы структурной организации Мироздания!

Восточная мудрость повествует об одном мыслителе, который посвятил свою жизнь написанию единственной книги. Он просиживал днями и ночами в библиотеках, скитался по городам в поисках необходимых знаний, многие годы недоедал, лишил себя сна и множества других мирских удовольствий, и все это ради единственной цели – своей книги. Однажды, когда книга была, наконец, завершена, он встретил пастуха овец, сидящего на берегу озера. Мыслитель решил поделиться с ним радостью и одарить его светом знания – своей книги. Пастух, полистав немного книгу, бросил ее в озеро, и она утонула. Мыслитель в ужасе накинулся на него: «Что ты сделал?!!!!!!!...». Пастух ответил ему: «Ты и в самом деле хочешь написать книгу? Тогда купи вина, пойди продай его в мусульманском селении». Несчастный смирился и отправился исполнять совет пастуха. Когда он стал предлагать вино правоверным мусульманам, они набросились на него с камнями и палками. С тех пор этот человек стал отверженным всеми бродягой. Он скитался по свалкам и питался помоями. Никто с ним не разговаривал, и он прятался от людей, боясь насмешек и побоев. Жизнь его превратилась в сплошную муку. Солнце палило его днем и холод не оставлял его ночью. Им овладели болезни и невзгоды. Услышав о несчастьях Иова, трое его друзей приходили утешать его и от ужаса увиденного они возрыдали, и не могли возвысить свой голос, и семь дней и семь ночей сидели с ним на земле молча, и бросали пыль над головами своими к небу, ибо видели, что страдание Иова весьма велико. К этому же человеку не приходил никто. И когда страдалец в полном отчаянии решил наложить на себя руки, к нему явился Пастух и сказал: «Теперь ты можешь написать свою книгу».

4.11.1. Рене Декарт

Cogito ergo sum
(Мыслю, следовательно я существую)

Р. Декарт

Занимаясь проектом «всеобщей математики», в Ульме, где Декарт находился с войском герцога Максимилиана Баварского, между 10 и 11 ноября 1619 г., он испытал нечто вроде интеллектуального откровения по поводу основ «удивительной науки». В благодарность за это «откровение» Декарт дал обет совершить паломничество к Святому Дому в Лорето.

Рене Декарт

Творчество Баруха Спинозы (1632-1677) тесно связано с деятельностью Рене Декарта (1596 – 1650). Декарт после мучительных поисков выделил из Бытия некую грубую материальную субстанцию, сотворенную Б-ГОМ: «Могущество Б-ГА сотворило материю вместе с движением и покоем и Своим обычным содействием Сохраняет во Вселенной столько же движения и покоя, сколько Оно вложило их при Творении». Декарт разделил Естество на две самостоятельные субстанции – материю и дух (тело и душу). Материальная субстанция пассивна, инертна и лишена творческих побуждений, Дух, напротив, активен и несет разумное начало. Неотъемлемым свойством (т. е. атрибутом) материальной (телесной) субстанции Декарт считает Протяжение, а атрибутом духовной субстанции – Мышление. Но обе эти субстанции в философии Декарта отчасти зависят друг от друга хотя бы в человеке – механическом соединении души и тела. Поэтому обе эти субстанции оказываются несовершенными. В угоду инквизиции Декарт выводит Б-ГА за пределы Вселенной как Нечто Совершенно Трансцендентальное и Недостигаемое. В «Началах философии» он определяет Совершенную Субстанцию как такую Сущность, которая в своем существовании нуждается только в Самой Себе. Поэтому Совершенной Субстанцией выступает лишь Б-Г: «ОН Существует «Сам для Себя», ОН есть причина «Самого Себя»», и у НЕГО нет ни в чем нужды. Б-г Декарта оказался полнейшим Эгоистом, однажды сотворившим Мир и предоставившим его самому себе. Данное обстоятельство в корне противоречит ТОРЕ и Каболе, где Б-Г – это Грандиозный АЛЬТРУИСТ, крайне нуждающийся во Всевозможном Благоизлиянии СВЕТА ЛЮБВИ в свое Творение, ради чего Оно и было Выделено за счет «сокращения» САМОГО СЕБЯ. Это более всего и настораживало Спинозу. В философской системе Декарта, тяготеющего к эмпирическому познанию, Б-Г вообще оказался опасно «Лишним». Поэтому он благоразумно подсознательно выделил ЕМУ почетное место Величественного Стороннего Наблюдателя, лишь изредка вмешивающегося в раз и навсегда запущенный Механизм Бытия. Это было сделано не нарочно, а по необходимости и неспособности вместить все Величие Бытия в только нарождающееся научное мировоззрение.

Декарт увлечено занимался анатомическими исследованиями на животных. Известен случай когда один из посетителей попросил Декарта показать книги его библиотеки. Декарт открыл дверь в соседнюю комнату и, указав на тушу теленка, ответил: «Вот моя библиотека».

Декарт писал: «Вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви – все прочие науки. Подобно тому, как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов ветвей, так и особая полезность философии зависит от ее частей, которые могут быть изучены под конец». Вот и ответ на счет плодов с Древа познания Добра и Зла: «Зачем постигать корни? Куда лучше сразу отведать плоды – «быстрее» и «слаще». Декарт призывал исследовать не писания [87]: «Если бы мы прочитали каждое слово Платона и Аристотеля, то все же без уверенности в собственном суждении не сделали бы и шагу далее в философии; обогатились бы только наши исторические сведения, а не наше знание». Напротив: «Достоверно, что во всем, чему нас учит Природа, должна содержаться Истина. Ибо под Природой в общем я разумею только либо Самого Б-ГА, либо установленный Б-ГОМ миропорядок, а под моей собственной природой, в частности, только совокупность данных мне Б-ГОМ сил».

Декарт искал ответы в открытой Книге Природы. В «Началах философии» он пишет: «Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге Мира». Но чтобы читать Книгу Мира, нужна была азбука. Рассудок Декарта мучительно искал опору в этом бушующем море разнolikoго Бытия. Один из пунктов разработанного им же метода познания гласил: «Следует делить каждое из исследуемых нами затруднений на столько частей, на сколько это возможно для лучшего их понимания». После долгих мучительных поисков он нашел основания для постижения Книги Мира, следуя вышеизложенному правилу. Декарт мысленно разделил всю окружающую действительность на некую сплошную материальную субстанцию, из которой состоят все «наблюдаемые» протяженные тела и все остальное «ненаблюдаемое», а потому трансцендентальное, но явно существующее в виде мыслей. Но если в отношении реальных тел Декарт обрел некую определенность, то в отношении «пустот» между телами все выглядело не столь очевидным. Мучительные поиски привели к материализации «пустоты» как наблюдаемой протяженности: «Что касается пустого пространства в том смысле, в каком философы понимают это слово, то есть такого пространства, где нет никакой субстанции, то очевидно, что в мире нет пространства, которое было бы таковым, потому что протяжение пространства

как внутреннего места не отличается от протяжения тела. А так как из одного того, что тело протяженно в длину, ширину и глубину, мы правильно заключаем, что оно субстанция (ибо невозможно, чтобы ничто обладало каким-либо протяжением), то и относительно пространства, предполагаемого пустым, должно заключать тоже, именно, что раз в нем есть протяжение, то с необходимостью в нем должна быть и субстанция».

В конце концов, Декарт приходит к мнению, что «материя обладает протяженностью в длину, ширину и глубину. Таким образом, все, что имеет три измерения, составляет часть материи». Материальная субстанция, которую Декарт называл эфиром, стала в конце концов опорой для многих пытливых рассудков, пытающихся постичь Бытие по Книге Мира.

Выдумав эфир, рассудок Декарта стал выстраивать все наблюдаемое вещество как локальные его сгущения и завихрения. А западная цивилизация получила зависший над Бездной краеугольный камень, которым Она заложила основание для своего храма Науки, своды которого – суть ворота в мрачные глубины темной материальности Бытия в эпоху кровавого месива технократических и технологических войн.

Вначале эта иллюзорная опора была очень шаткой. Картезианская гипотеза о существовании механического эфира как простейшей исходной материальной субстанции вещества была воспринята Европой с интересом, но весьма настороженно. Одним из первых начал ее очень осторожно эксплуатировать враг гипотез Исаак Ньютон. Ньютон писал: «Предполагается, что существует некая эфирная среда, во многом имеющая то же строение, что воздух, но значительно более разряженная, тонкая и упругая... Я буду иногда говорить о ней для более удобного представления, как будто я ее принял и верю в ее существование».

Произшел парадокс на понятие механического эфира ничего в Природе не откликается. На ошибочном предположении строится ошибочное мировоззрение. Но на удивление идея существования материальной субстанции стала давать потрясающие результаты. Это очень похоже на «улыбку сатаны», обманувшего Церковь. И в самом деле, Христианская Церковь, ревностно оберегавшая трансцендентальные, Духовные Высоты Высшего Бытия от посягательств пытливого рассудка, равнодушно взирала на материальную повседневность. Такая «халатность» чуть было не стоила Церкви полного разорения. Жадный до знаний Европейский Рассудок с колоссальной энергией кинулся в открытую Декартом «дверь».

Осенью 1633 г. Декарт написал своему другу Мерсену [87]: «Я собирался сделать Вам новогодний подарок моим «Миром» и еще каких-нибудь две недели тому назад, твердо намеревался послать по крайней мере часть его, если не успею переписать за это время весь. Но на днях я справился в Лейдене и Амстердаме, нет ли там сочинения Галилея «О системе мира», так как мне казалось, что оно было опубликовано в Италии в прошлом году. Мне сообщили, что оно было действительно отпечатано, но все экземпляры немедленно сожжены в Риме, а сам Галилей приговорен к покаянию. Это меня настолько потрясло, что чуть не решил сжечь все мои бумаги или по крайней мере не показывать их ни одному человеку...я ни за что не хочу издавать сочинение, в котором самое малейшее слово могло бы не понравиться церкви. Поэтому я лучше скрою его, чем выпущу в искаженном виде. ... Я хорошо понимаю, что заключение инквизиции еще не догма, для этого должен собратся собор, но я не настолько влюблен в свои мысли, чтобы для их защиты прибегать к столь исключительному средству».

Осуждение Галилея было одним из драматических актов в череде репрессий, обрушившихся со стороны инквизиции на нарастающую Науку. Это событие наряду с казнью на костре Джордано Бруно и тюремным заточением Кампанеллы не могло не волновать Декарта.

За кратчайшее время представления о материи обросли грандиозным теоретическим и эмпирическим наслідием, так что Сознание Западной цивилизации чуть было не помutilось из-за неспособности удержать высокую ноту Духовности в нахлынувшем потоке колоссальных достижений Науки. Технологическая и технократическая революции подкрепились величественной и холодной красотой многоликой математики, в которой пытливый рассудок мог беспомощно плутать до бесконечности, находя себе все новые и новые неохваченные высоты. Всего три столетия потребовалось Западной цивилизации, чтобы создать грандиозную физико-математическую литературу как идеологическую альтернативу ТОРЕ, Вращенной и Взлелеянной в Человеческом Рассудке в течение пяти тысячелетий труднейших испытаний. Зыбкая мертвая (материальная) субстанция Декарта стала колоссальной, твердой Глыбой – «Камнем Преткновения» на шее Человеческой цивилизации, затягивающим в бездну бездуховности и безнравственности. Новое знание, списанное с самых плотных и за-костенелых страниц Книги Мира, с пластов Бытия, находящихся во власти Князя мира «сего», чуть было не «затенило» Библию, отодвинув ее как анахронизм на задворки истории. Сильно поредели и ряды хранителей ТОРЫ. Наука впитала в себя и помutilа рассудки многих лучших еврейских голов. К счастью, цивилизация переболела этой «болезнью», положив на алтарь храмам безбожной Науки около миллиарда человеческих тел и море крови, пролитой в братоубийственных войнах. Тела отщепившихся от ТОРЫ евреев послужили топливом для адских крематориев, зажженных темным духом Амалика, облеченного в германское превосходство. Может быть, это та четвертая часть душ человечества, увлеченных бледным всадником апокалипсиса.

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

На совести Науки отравленные Воды, выжженная Земля, загрязненный Воздух, чуждый Огонь. «Мертвая материя» стала смертельно опасной всего через каких то $1950 - 1650 = 300$ лет после Декарта. Если считать, что средний возраст поколения людей порядка 50 лет (семь седмиц), то всего 6 поколений отделяют нас от создания первых слов азбуки Книги Мира: «эфир – материальная субстанция» – панцирь Естества. Те, кому сегодня около 50 лет, являются 7-м, завершающим поколением семеричного цикла Науки на колесе Семеричного Мироздания.

Естествоиспытатели этого 7-го поколения уже отчетливо понимают, что современная Наука, упакованная в Прокрустово ложе своих же исходных принципов, переживает ныне глубочайший кризис. Передовые рубежи физики завязли в невероятно сложных и оторванных от жизни математических конструкциях квантовых теорий, передовые технологии загнали самых технологичных в пессимистичное опустошение, страх, уныние и ожирение. Люди стали осознавать, что в безбожном знании не только «сила», но и дыхание смерти. С тех пор, когда расщепили атом, заглянули внутрь протона, создали «детектор лжи», запустили первого человека в космос и высадились на Луну, пересадили сердце и создали первого клона, Наука уже давно никого ничем не удивляет. А с тех пор, когда передовые рубежи Науки уткнулись в области не доступные для эксперимента, Она уже давно ничего не объясняет. Западная цивилизация стала возвращаться в лоно Церкви. Иудеи потянулись к ТОРЕ, Талмуду и Каболе, мусульмане – к Корану. Наука перестала быть престижной и модной. Наука закончилась с предыдущим поколением шестидесятников. Нашему поколению достались осколки. Теперь она влачит жалкое существование. Но ее колоссальное наследие способно теперь послужить платформой для дальнейшего движения вперед.

В данной статье звучат осуждающие нотки в адрес Рене Декарта, на самом деле мы преклоняемся перед этим величайшим умом, сделавшим первый шаг на зыбкую «почву» эфира, на обманчивую поверхность бездонного Бытия. Чудо, что эта эфемерная «почва» оказалась твердым «основанием». Декарт был одним из первых, ему было опаснее и труднее последующих. Путь же, пройденный Западной цивилизацией, пройден по необходимости. Это путь слепого познания (заблудшего сына) и очистительных страданий, возвращающих в лоно Царствия Б-ЖИЕГО обогащенных знанием и жизненным опытом. Пройденное есть очередное основательное подтверждение справедливости и незыблемости ТОРЫ, данной людям как путеводная нить и спасательный круг, удерживающий цивилизацию на зыбкой поверхности метаболического вихря Жизни.

Шведская королева Христина имела привычку начинать беседы с Декартом в 5 часов утра, для чего ставляла философа вставать в ранний час, несмотря на суровый климат и его не очень крепкое здоровье, 2 февраля 1650 г. Декарт после очередной утренней беседы с королевой заболел воспалением легких и спустя неделю скончался. Погребение состоялось в Стокгольме. Его останки в 1667 г. перевезены во Францию и ныне покоятся в Париже, в церкви Сент-Жермен-де-Пре (современный Пантеон).

До Декарта было немало философов, высказывавших материалистические воззрения на существование исходной субстанции. Среди них представители древнекитайской школы Лао-цзи, Ян Чжу, Ван Чун; древнеиндийской школы локаята; древнегреческой философии – Гераклит, Анаксагор, Эмпедокл, Левкипп, Демокрит, Эпикур, Лукреций Кар и др. Эти школы развывали «наивные» представления об объективном мире, существующем независимо от сознания людей; о всеобъемлющем первоначале всего сущего и происходящего в природе; об атомистическом строении материи. Наивный материализм античности в средневековой Европе возродили Телезио, Кузанский, Бруно, Бэкон, Галилей и др. Однако во всех этих представлениях не было четких различий между физическим и психическим, Духовность и Жизнь пронизывали всю Природу (пантеизм, гилозоизм). Четкую же черту между Живым и «неживым» (духом и материей, пассивной протяженностью и активным мышлением) провел именно Декарт, создавший беспрецедентные «Чаши Весов», на которых закачалось Сознание Западной цивилизации.

Галилей своими астрономическими открытиями дал неоспоримые аргументы в пользу идеи физической однородности видимой части Вселенной и тем самым в итоге окончательно похоронил аристотелевский принцип субстанциональной противоположности Земли и Небес. Напомним, что Мир был разделен Аристотелем на Земное (т. е. то несовершенное и беспорядочное, что происходит на поверхности нашей планеты) и Небесное (т. е. то идеальное и гармоничное, что происходит в Космическом пространстве). Этот принцип был взят на вооружение апологетами христианства, справедливо разместившими рай в Космическом (околоземном, небесном) пространстве, а ад – в недрах Земли. Учение Галилея наносило непоправимый урон данному наивному представлению о рае и аде.

Декарт совершил чудо, переведя рассмотрение отношения Земной и Небесной субстанций в совершенно иную плоскость рассмотрения. По Декарту, согласно Галилею, земная (материальная субстанция) оказалась объектом Вселенской протяженности, а небесная (духовная) субстанция оказалась как бы над ней в виде неуловимых для человеческого рассудка мыслительных процессов. Данные обстоятельства в результате позволили Гоббсу встать на «Чашу материальности». Вместе с этой «Чашей» Сознание Запада начало погружаться вниз, в плотные и мрачные слои «мертвой» материальности. Отяжелевшее Сознание Европы сначала загнало духов-

ную субстанцию в область психической рефлексии, а затем окончательно отодвинуло исследование психических проявлений на задворки психиатрических лечебниц для изоляции неугодных и опасных для общества личностей.

Запад оцетинился оружием и «передовыми» технологиями, а гигантская «Чаша материальности» до краев наполнилась идоложертвенной кровью. Материализм оказался самым кровожадным и обездушивающим «Идолом» за всю историю человеческой цивилизации, засосавшим немало судеб в бездонную воронку «сатанинской бездны». Но эти жертвы не были напрасными. Ибо теперь для Рассудка 7-го поколения «Кровавого Потопа» достаточно оснований к стремлению в Б-ЖЕСТВЕННЫЕ Выси.

Для большего понимания взглядов Декарта ниже приводится нейтральный очерк, практически позаимствованный из [73].

4.11.2. Метафизика Декарта [73]

Метафизическая система Декарта представляет собой учение о мире как единстве двух субстанций – протяженной и мыслящей, что является основой дуализма. Дуализм Декарта – это неизменная основа всех явлений и процессов реальности в аспекте внутреннего единства всех форм ее развития, всего многообразия явлений природы и истории, включая человека и его сознание. К вопросу о существовании материального мира Декарт переходит, углубляя идеи, полученные из внешней реальности. Что существование материального мира возможно, следует из факта, что он является объектом геометрических доказательств, основанных на идее протяженности (*extensa*), тем более что сознание не творит а хранит его. К тому же в нас проявляется не сводимая к разуму способность воображения и чувства. Ум – «мыслящая субстанция (*res cogitans*), вся суть или природа которой заключается в мышлении», чаще всего активном. Более того, ум может воспринимать телесный мир, пользуясь воображением и способностью чувствовать, пассивно воспринимая стимулы и ощущения.

Декарт писал: «Если бы сила, связующая меня с материальным миром при помощи воображения и чувств, несла с собой обман, я бы должен был заключить, что Б-Г не правдив. Но это, как уже сказано, не верно. Следовательно, если способности воображения и чувств подтверждают существование телесного мира, нет оснований подвергать сомнению его реальность. Но это не должно привести меня к безрассудному допущению всего, чему чувства учат меня, как и «подвергнуть их в целом сомнению». Но как производить отбор? Методом наведения ясности, т. е. допуская в качестве реальных только те свойства, которые мне удастся воспринять отчетливо. Из всего внешнего мне удастся ясно и отчетливо воспринять только протяженность, которую впоследствии я буду считать конструктивной, или субстанциональной. «Любая вещь, имеющая отношение к телу, предполагает протяженность, а все, обнаруживаемое в уме, – лишь различные способы мышления. Так, например, нельзя представить себе фигуру иначе, чем в пространстве, так же, как и движение; а воображение или чувство, или воля могут быть представлены только мысленно. И наоборот, можно представить протяженность без фигуры или без движения, что очевидно любому, кто обратит на это внимание».

Таким образом, духовный мир – это *res cogitans* (вещь мыслящая), материальный мир – *res extensa* (вещь протяженная). Все остальные свойства (например, цвет, вкус, вес и звук) Декарт считал вторичными, потому что относительно их нельзя иметь ясную и отчетливую идею. Отнести их к материальному миру означало бы не выполнить методических правил. Склонность рассматривать их как объективные по-детски не критична, ведь речь идет скорее о реакции нервной системы на стимулы физического мира. В «Началах философии» Декарт пишет: «Следовательно, во всей Вселенной лишь одна материя, и мы знаем ее потому только, что она протяженна; все различаемые в ней свойства говорят о разделенности и перемещении в соответствии с ее частями». Основание картезианского дуализма заключается в том, что метафизическая картина состоит из мира духовного (*res cogitans*) и мира материального (*res extensa*). Они равноправны, независимы и между *res cogitans* и *res extensa* не существует промежуточных ступеней. Как человеческое тело, так и царство животных должны получить наравне с физическим миром удовлетворительное объяснение в терминах механики, вне какой бы то ни было иррациональной доктрины. Декарт утверждал: «Природа материи, взятая в целом, заключается не в том, что она состоит из твердых и тяжелых тел, имеющих определенный цвет или воздействующих на наши чувства каким-нибудь способом, но лишь в том, что это – субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину. Ее природа заключается только в том, что это субстанция, имеющая протяженность». Исходя из всего этого, необходимо уточнить следующее. Первая определенность – осознание самого себя как мыслящего существа. Но действительно ли правила метода открывают мир, способствуют познанию? Открыт ли мир этим правилам? В состоянии ли сознание принять нечто другое, ему нетождественное? «Я» как мыслящее существо наполнено множеством идей, подлежащих осмысленной селекции. Если *cogito* – это первая самоочевидная истина, то какие другие идеи могут быть столь же самоочевидными? Можно ли реконструировать с помощью идей, таких же ясных и четких, как *cogito*, здание науки?» И затем: поскольку Декарт считал основой сознание, как можно

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

выйти за его пределы и подтвердить существование внешнего мира? Идеи, увиденные не как сущности или архетипы реального, а как реальное присутствие сознания, – имеют ли они объективный характер? Если как формы мысли они не вызывают сомнений, как представления правдивы, то представляют ли они объективную реальность или являются чистым плодом воображения? Ответ на этот вопрос позволит точнее понять картезианскую метафизику.

Прежде чем дать ответ, следует вспомнить, что Декарт различает три вида идей: врожденные идеи, которые я обнаруживаю в себе самом, вместе с моим сознанием; приобретенные идеи, которые приходят ко мне извне и обращают меня к вещам, совершенно отличным от меня; и сотворенные идеи, сконструированные мной самим. Если мы отбросим последние, в силу их произвольности и химерности, то вопрос коснется объективности врожденных и приобретенных идей. Пусть три класса идей не различаются с точки зрения их субъективной реальности, все это – мыслительные акты, о которых я имею немедленное представление, но содержания их различны.

Действительно, если сотворенные или производные идеи не представляют никакой проблемы, то объективны ли приобретенные идеи, отсылающие меня к внешнему миру? В чем я уверен даже при всеобщем сомнении, так это в моем существовании в моей познавательной активности. Но где уверенность, что сознание остается действенным и тогда, когда результаты переходят от актуальной данности в царство памяти? В состоянии ли память сохранить их в неприкосновенности с той же ясностью и отчетливостью? Разум обращается, читаем мы в «Метафизических размышлениях», к врожденной идее Б-ГА, являющейся *res cogitans* Бесконечной, Вечной, Незменной, Независимой, Всеведающей СУБСТАНЦИЕЙ, Породившей меня и все сущее. Является ли она чисто субъективной или ее следует считать субъективной и одновременно объективной? Проблема существования Б-ГА возникает не из внешнего мира, а в человеке или скорее в его сознании». По поводу идеи Б-ГА Декарт говорит: «Это очевидно благодаря естественному свету и реально как в силу действующей причины, так и в силу результата: где результат может черпать свою реальность, как не в собственной Причине?» «Очевидно, что АВТОР идеи, присутствующей во мне, не я сам, несовершенный и конечный, и никакое другое существо, также ограниченное. Идея, присутствующая во мне, но не мною произведенная, может иметь в качестве своего ТВОРЦА лишь Бесконечное СУЩЕСТВО, и это Б-Г. Врожденная идея Б-ГА связана с другой, подкрепляющей первую аргументацией. Если бы идея Бесконечного СУЩЕСТВА, присутствующая во мне, принадлежала мне самому, не был ли бы я в этом случае совершенным и беспредельным созданием? Но несовершенство явствует из сомнений и никогда неудовлетворенного стремления к счастью и совершенству. Кто отвергает Б-ГА – СОЗДАТЕЛЯ, тот считает творцом самого себя. Так Декарт формулирует третье доказательство, известное как онтологическое. Существование – неотъемлемая часть Бытия, следовательно, невозможно признавать идею (Бытия) Б-ГА, не допуская ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, так же как невозможно принять идею треугольника, не думая при этом, что сумма всех его внутренних углов равна двум прямым, или как невозможно воспринять идею горы без долины. Но как из факта, что «гора и долина, существующие или несуществующие, не могут быть отделены одна от другой, так из факта, что я не могу представить Б-ГА вне СУЩЕСТВОВАНИЯ, следует, что существование неотделимо от НЕГО и, следовательно, ОН СУЩЕСТВУЕТ на самом деле». Это – онтологическое доказательство Ансельма, которое воспроизводит Декарт. «Идея Б-ГА – как печать Мастера на его работе, и нет необходимости, чтобы эта марка представляла собой нечто отдельное от самой работы».

Итак, анализируя сознание, Декарт обращается к идее, которая не принадлежит нам, однако насквозь пронизывает нас, как печать Мастера представляет его творение. Если верно, что Б-Г в Высшей Степени Совершенен, не должны ли мы в этом случае поверить в возможности человека, ЕГО Творения? Но тезис о зависимости человека от Б-ГА не приводит Декарта к выводам традиционной метафизики и богословия, т. е. к примату Б-ГА и нормативной ценности максим Священного Писания. Идея Б-ГА в нас, как печать Мастера на его творении, использована для защиты позитивности человеческой реальности и познавательных возможностей, а в том, что касается мира, неизменности его законов, Б-Г, в Высшей Степени Совершенный, не может обманывать.

Б-Г, чьим именем пытались заблокировать распространение научной мысли, теперь выступает в качестве ГАРАНТА Истины. Сомнение терпит поражение, ибо сам Б-Г-СОЗДАТЕЛЬ препятствует тому, чтобы ЕГО Творение несло в себе разрушительный принцип. Б-Г – ГАРАНТ Истинного Знания, он не может обмануть. Атеист сомневается в познавательных возможностях, поскольку не признает, что он – создание Б-ГА, Высшей Доброты и Истины. Таким образом, проблема обоснования исследовательского метода окончательно решена, ибо очевидность, допущенная гипотетическим путем, оказывается подтвержденной первой определенностью, *cogito*, а последнее, вместе с познавательными возможностями, закреплено присутствием Б-ГА, Гарантирующим его объективность. Помимо этого Б-Г Гарантирует также все Истины, ясные и отчетливые, которые человек в состоянии постичь. Это вечные Истины, которые, выражая суть разных областей реальности, составляют костяк нового знания. Б-Г – АБСОЛЮТНЫЙ СОЗДАТЕЛЬ, поэтому ответствен и за те Идеи и Истины, в свете которых ОН Создал Мир. «Вы спрашиваете, – писал Декарт Мерсенну 27 мая 1630 г., – что принудило Б-ГА к Созданию этих истин; а я говорю: ОН был Волен Сделать так, что все линии, протянутые от центра к окружности, оказались равны, как волен не создавать мир. И верно, что эти истины связаны с ЕГО Бытием не больше, нежели ЕГО Создания». Почему же тогда истины называют вечными? Потому, что Б-Г неизменен. Таким обра-

зом, волюнтаризм, восходящий к Скоту, идею радикальной случайности мира, а значит, невозможности универсального знания – все это Декарт толкует в духе неизменности определенных Истин, Гарантирующих объективность. Кроме того, поскольку эти истины, случайные и одновременно вечные, не участвуют в Бытии Б-ГА, никто не может, на основании знания этих Истин, знать непостижимые Замыслы Б-ГА. Человек знает без каких бы то ни было претензий на соревнование с Б-ГОМ. Чувство законченности мысли и одновременно чувство ее объективности в равной мере защищены. Человек обладает человеческим, а не Б-ЖЕСТВЕННЫМ разумом, но имеет гарантии своей активности со стороны Б-ГА.

«Если я воздерживаюсь от суждения о какой-либо вещи, когда не понимаю ее достаточно ясно и отчетливо, то, очевидно, я наилучшим образом распоряжаюсь своим суждением и не обманываюсь, но если я ограничиваюсь ее отрицанием или ее утверждением, в этом случае я не использую своей свободы воли как подобает; а если я утверждаю то, что не является верным, то ясно, что я обманываюсь... ибо естественный свет учит, что интеллектуальное прозрение должно всегда предшествовать волевому решению. Именно в этом дурном употреблении свободы воли и состоит бездумность, дающая форму ошибке».

С полным правом исследователи комментируют: «Таким образом, ошибка происходит от моего действия, а не от моего бытия; только я несу ответственность за нее, и я могу избежать ее. Очевидно, насколько эта концепция далека от тезиса о порче природы или первородного греха. Здесь и сейчас, настоящим действием, обманываясь, я согрешаю». Вот из всего этого и состоит метафизическая система Декарта.

4.11.3. Физика Декарта [73]

Декарт «математизировал» философию и другие науки (которые становятся приложениями универсальной математики, *mathesis universalis*), а с другой стороны, делает их как бы разновидностями расширенно понятой «философской механики». Развитие математической логики, широчайшая математизация и естественно-научного, и гуманитарного, и особенно технического знания сделала более реалистичным идеал *mathesis universalis*, а внедрение искусственных (механических в своей основе) органов в человеческий организм придало куда больший смысл Декартовым метафорам, вроде той, что сердце – всего лишь насос, да и вообще утверждению Картезия о том, что человеческое тело – мудро созданная Б-ГОМ машина.

Идеал *mathesis universalis* (всеобщей математики) не был изобретением Декарта. Он заимствовал и термин, и саму тенденцию математизации у предшественников и, подобно эстафетной палочке, передал ее последователям, таким, как Ньютон и Лейбниц. Что же касается механизма, то это – явление более новое, связанное с бурным развитием Механики в галилеевой и постгалилеевой Науке.

Декарт совершил поистине революционные открытия в области физики, техники и геометрии. Если сейчас метод декартовых координат не производит на нас впечатления, поскольку стал неотделимой частью нашего научного наследия, то в то время он был событием огромной важности.

«Греки, – утверждал Декарт, – не заметили идентичности алгебры и геометрии ... иначе они не стали бы утруждать себя написанием стольких книг, в которых уже расположение их теорем показывает, что они не владели верным методом, с помощью которого решаются все теоремы». Это убеждение ясно выражено картезианцем Эразмом Бартолином, который в предисловии к «Геометрии» (1659 г.) написал: «Вначале было полезно и необходимо поддержать способности абстрактно мыслить; поэтому геометры прибегли к фигурам, арифметики – к цифрам. Но эти методы не достойны великих людей, которые претендуют на звание ученых. Единственным великим умом был Декарт».

Следуя за баварским войском холодной зимой 1619 г., Декарт размышлял над решением математических задач. Именно тогда он открыл формулу полиэдров (многогранников), которая ныне носит имя Эйлера: $v + f = s + 2$, где v , f и s обозначают соответственно число вершин, граней и углов выпуклого полиэдра. Отталкиваясь от алгебраических формул, которые не потеряли своей актуальности и поныне, Декарт сделал и другие открытия в физике. Например, он объяснил явление радуги как результат преломления лучей солнца во взвешенных капельках воды.

Выбор единых правил метода толкает Декарта к оригинальному (необычному для унаследованных от античности традиций) сближению геометрии, алгебры, арифметики и их равной «аналитизации». Результатом стало создание аналитической геометрии, алгебраизация геометрии, введение буквенной символики, т. е. начавшаяся реализация единой по методу *mathesis universalis* в самой математике.

Подобным образом обстоит дело с философским пониманием субстанции и механикой Декарта. Он не по одним только философским соображениям уподобил материю телу, так что субстанция становилась и телом-материей. Такова была и тенденция механики: благодаря такому уподоблению значительно облегчалась решающая для тогдашней механики процедура приписывания и материи, и телу – как их главного, т. е. субстан-

ционального, свойства – именно протяжения. Надо иметь в виду еще одно характерное для Декарта сближение: СУБСТАНЦИЕЙ Субстанций и гарантом единства «раздвоенной» субстанции является Б-Г. Постоянство Б-Г «продублировано» в постоянном же движении материи. Но есть и существенное различие: если Б-Г есть ИСТОЧНИК движения и сама его спонтанность, то материя движется машинообразно под влиянием внешних для нее (как тела) толчков и стимулов и способна лишь сохранять сообщенное ей движение.

Итак, и правила метода, и философская онтология Декарта есть учение о Бытии вообще как таковом. Бытию, независимом от его частных видов, а также о нематериальной, Сверхчувственной Структуре всего Сущего. Научная мысль ведет Декарта к ряду редуций (сведение сложного к более простому, обозримому, понимаемому, более доступному для анализа или решения) и отождествлений, которые потом вызовут ожесточенные споры, но для Науки надолго останутся по-своему плодотворными: 1. Материя трактуется как единое тело, и вместе, в их отождествлении, они – материя и тело – понимаются как одна из субстанций. 2. В материи, как и в теле, отбрасывается все, кроме протяжения. Материя отождествляется с пространством. «Пространство, или внутреннее место, разнится от телесной субстанции, заключенной в этом пространстве, лишь в нашем мышлении». 3. Материя, как и тело, не ставит предела делению, благодаря чему картезианство встает в оппозицию к атомизму. 4. Материя, как и тело, уподобляется так же геометрическим объектам, так что материальное, физическое и геометрическое здесь тоже отождествляются. 5. Материя, как протяженная субстанция, отождествляется с природой. Когда и поскольку природа отождествляется с материей (субстанцией) и присутствием ей протяжением, тогда и постольку происходит фундаментальное для механики как Науки и механицизма (как философско-методологического воззрения) выдвигание на первый план механических процессов. Происходит превращение природы в своего рода гигантский механизм (часы – его идеальный образец и образ), который «устраивает» и «настраивает» Б-Г. 6. Движение отождествляется с механическим перемещением (местным движением), происходящим под влиянием внешнего толчка; сохранение движения и его количества (тоже уподобляемое неизменности Б-жества) трактуется как закон механики, который одновременно выражает и закономерность материи-субстанции.

Декарт устраняет пустое пространство атомистов; по его мнению, мир полон вихрей из тонкой материи (эфира), допускающей передачу движения с одного места в другое. Основной принцип картезианской физики – это принцип сохранения, согласно которому количество движения остается постоянным, вопреки деградации энергии, или энтропии (силы хаоса). Второй – принцип инерции (свойство тела сохранять состояние равномерного, прямолинейного движения или покоя, когда действующие на него силы отсутствуют или взаимно уравновешены). Исключив из материи все разумные свойства, Декарт объясняет любое изменение направления только толчком со стороны других тел. Тело не остановится и не замедлит своего движения, если только его не остановит другое тело. Движение само по себе стремится сохранить направление, приобретенное в самом начале.

Итак, принцип сохранения и, как следствие, принцип инерции, по Декарту, являются основными законами, управляющими Вселенной. К ним добавляется еще один, согласно которому каждая вещь стремится двигаться по прямой. Первоначальное движение – прямолинейное, из него происходят все остальные. Это крайнее упрощение природы служит разуму, желающему с помощью теоретических моделей познать мир и господствовать в нем. Очевидна попытка унифицировать действительность, изначально многообразную и изменчивую, посредством легко управляемой механической модели. Декарт видит возможность унификации (приведение чего-либо к единой системе, форме и единообразию) на основе механических моделей с геометрической основой.

Вместо чисто абстрактных рациональных постулатов (как субстанциальные формы) ученый пользуется механическими моделями, понятными и очевидными, с конкретным содержанием. Эффективная конкретность, присущая механической модели, не является, однако, непосредственной: она – плод долгих и трудных действий разума, с помощью которых удается придать воображению очевидность формы. Воображение не действует по желанию именно потому, что модели конструируются исключительно на основе точных постулатов, разделенных разумом. Процессу унификации не подвержены реальности, традиционно относящиеся к другим наукам, – жизнь и живые организмы. Но и человеческое тело, и животные организмы функционируют на основе механических принципов, регулирующих движение и отношения. Вразрез с теорией Аристотеля о душе из растительного и животного мира исключается всякое живое начало (растительное или чувственное).

При всем том, что стиль рассуждения Декарта в этих частях его единой философии, математики, физики выглядит так, будто речь идет о самом мире, о его вещах и движениях, не станем забывать: «тело», «величина», «фигура», «движение» изначально берутся как «вещи интеллекта», сконструированные человеческим умом, который осваивает простирающуюся перед ним бесконечную природу. Таким и предстает перед нами «мир Декарта» – мир конструкций человеческого ума, который, однако, не имеет ничего общего с миром далеких от жизни, беспочвенных фантазий, ибо в этом мире интеллекта человечество уже научилось жить особой жизнью, приумножая и преобразовывая его богатства.

4.11.4 Философия Спинозы

Вопрос: “Что такое БЫТИЕ?” тождествен другому: “Что такое СУБСТАНЦИЯ?”

Аристотель

В природе нет ничего, кроме СУБСТАНЦИИ и ЕЕ Проявлений.

Спиноза

Конец эфиру (мертвой, механистической субстанции), к которой апеллировал Рене Декарт, положил А. Эйнштейн. Его «Специальная теория относительности» (1905 г.) похоронила механистический эфир, а в «Общей теории относительности» (1915 г.) им же были заложены начала представлений о том, что все в мире относительно, в том числе и материя. Но во времена Эйнштейна материализм мог уже существовать и без эфира, приняв более изощренные и изуверские формы гильбертовых и фазовых пространств и калибровочных полей (скалярных, векторных, тензорных и спинорных), вакуумных конденсатов и т. п. При этом сохранилось ядро гипотезы «механистического эфира» – невозможность существования абсолютно пустого пространства и неотрывность пространства от «мертвой» материи.

Борьбу с механистическим эфиром начал не Эйнштейн. Одним из первых на это поприще встал духовный антипод Рене Декарта – Барух Спиноза. Во времена Спинозы сознание раввинов Европы было погружено в океаны Танаха, Мишны, Брайты, Гморы и Каболы. Они мало обращали внимание на происходящее в параллельном, христианском, мире. Интеллектуальные же ресурсы Римской католической Церкви были отвлечены проблемами Небесной Механики и онтологии «Высших Сфер Бытия», вызванными работами Николая Коперника (1473 – 1543), Джордано Бруно (1548 – 1600), и Галилео Галилея (1564 – 1642). Поэтому картезианское раздвоение Мироздания не на Добро и зло, а на Мыслящее и мертвое прошло вначале не замеченным, но последствия этого раздвоения были столь бурные, что они чуть было не смыли с лица земли и Раввинат, и Ватикан.

Спиноза с младенчества впитал в себя иудаистское восприятие действительности как всестороннее проявление Единого Б-ГА. Поэтому картезианскому раздвоению реальности на упрощенные, механистические формы бытия и Высшую Интеллектуальную Проявленность через целесообразность и оптимальность направленности движения и изменения состояния этих простых безжизненных форм Спиноза противопоставил Единение всего Сущего в рамках Единой и Неделимой Проявленности Бытия СУЩЕГО.

Трагедия Спинозы заключалась в том, что он вступил в сражение на поле «противника». Спиноза начал воспроизводить систему иудаистского мировосприятия в терминах натуральной философии и геометрической логики, постоянно соизмеря свои логические конструкции с основными положениями ТОРЫ. Основопологающей категорией спинозовской философии декларируется Единая СУБСТАНЦИЯ, отождествляемая с Б-ГОМ. При жизни Спиноза постоянно обвинялся, с одной стороны, в материализме, с другой стороны, в пантеизме и гилозоизме. После смерти то же самое ставилось ему в заслугу.

На самом деле Б-ЖЕСТВЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ Спинозы – это вовсе не та субстанция, которую привыкли воспринимать естествоиспытатели и натурфилософы как некий строительный материал Бытия. Б-ЖЕСТВЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ Спинозы – это НЕЧТО АБСОЛЮТНО (БЕСКОНЕЧНО) НЕПОСТИЖИМОЕ, совершенно согласующееся с кабалистическим понятием Эйн Соф, Благословен ОН. Это некая Абсолютная ПОЛНОТА и ПОТЕНЦИЯ всего Сущего. Мышление – это лишь одно из проявленных Разумных возмущений этой колоссальной ПОТЕНЦИИ, а Протяжение – одно из ЕГО Свойств (Атрибутов). Спинозовская Б-ЖЕСТВЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ – Б-Г в полном соответствии с иудаистскими воззрениями обладает совершенно удивительными и непостижными свойствами. Например, ОН существует вне времени.

Так говорили Мудрецы благословенной памяти: «Доколе ты будешь заслонять мне Свет Эйн Соф, Благословен ОН, Наполняющий все миры, Существующий одновременно в прошлом, настоящем и будущем, также и в том месте, где я нахожусь, – точно так же, как и до сотворения мира, был Эйн Соф, Благословен ОН, совершенно без всяких изменений, как сказано: «Я, ГАВАЙЕ, не изменяюсь». Ибо «ОН Выше времени...» (Тания, 29:16).

Попробуем осознать, что это может означать. На сегодняшний день, как уже говорилось, мы знаем два определения времени:

1. Эйнштейновское время t_3 , которое определяется через максимальную скорость распространения сигналов (возмущений) v_{max} в псевдосреде того или иного уровня Бытия. При этом v_{max} выступает как основополагающая константа этого уровня. И через расстояние ds между двумя точками соответствующего качества протяженности того же уровня Бытия:

$$t_3 = ds / v_{max} . \quad (4.243)$$

Эйнштейновское время t_s не обладает ни направленностью, ни фундаментальностью; это лишь производное понятие от скорости и протяженности. Оно может быть разным как в разных областях одного уровня Бытия (например, когда в разных областях данного уровня его «протяженность» может быть по-разному деформирована, при этом различны ds , а следовательно, и t_s), так и на разных уровнях. Так, например, в средах, состоящих из атомов и молекул, скорость распространения волновых возмущений (звуковых волн) невелика. В зависимости от принадлежности к Стихиям имеем:

- в газах (проявлении Стихии «Воздух») $v_{max \Gamma} \approx 330 \text{ м/с}$;
- в жидкостях (проявлениях Стихии «Воды») $v_{max \text{ж}} \approx 1450 \text{ м/с}$;
- в твердых телах (проявлении Стихии «Земля») $v_{max \Gamma} \approx 6000 \text{ м/с}$;
- в плазме (проявлении стихии «Огонь») $v_{max \Pi} \approx 10^7 \text{ м/с}$.

На следующем уровне Бытия в вакууме уже имеем $v_{max \text{ж}} \approx 3 \cdot 10^8 \text{ м/с}$ и т. д. Соответственно и эйнштейновское время, согласно (4.243), определяющее темп, и свойства Бытия той или иной Стихии различны. Поскольку все процессы, протекаемые в этих псевдосредах, зависят через их скорости v от безразмерной величины $(1 - v^2/v_{max}^2)$.

2. Второй тип времени t_b будем называть бальцмановским. Людвиг Бальцман (1844–1906) приложил немало усилий на введение в физику направленной шкалы времени через необратимое стремление механических систем к достижению их наиболее вероятного состояния – термодинамического равновесия. То есть он ввел направленную шкалу времени через необратимость процесса самопроизвольного возрастания энтропии (хаотичности) в энергетически замкнутых механических системах. Теория эволюции Дарвина о происхождении видов, представившая изменение качества жизни от простейших ее проявлений до высших организмов посредством естественного отбора и борьбы за выживание, вскружила и помутила голову многим. Приверженцем Дарвинизма был и Бальцман. Бальцман пытался насадить плоды бурно прогрессирующих эволюционных воззрений Дарвина в статистическую физику. Однако данный подход привел к очередному парадоксу. Если у Дарвина шкала времени задает направление развития от более вероятных упрощенных форм организации материи к менее вероятным, уникально-аномальным формам, венцом которых является суперсложная, мыслящая система – человек, то у Бальцмана все получилось наоборот: любая энергетически замкнутая механическая система должна стремиться к наиболее вероятному простейшему, однородному, равновесному состоянию – термодинамической смерти. Шкала деградирующего времени Бальцмана оказалась противоположно направленной к шкале прогрессирующего времени Дарвина.

Оставим личные трагедии этих великих людей, попытавшихся искать истину вне пшата ТОРЫ. Удержим в рамках рассмотрения лишь очевидный факт, что все в мире неумолимо претерпевает качественные и количественные изменения: что-то прогрессирует, а что-то деградирует, но все это происходит в силу различных причинно-следственных связей в процессе изменения некоей глобальной длительности, которую мы и охарактеризовали бальцмановским временем t_b .

Вернемся теперь к удивительному утверждению Спинозы, что Б-Г (ИСХОДНАЯ СУБСТАНЦИЯ) находится вне времени. Сам Спиноза определил время следующим образом: «Время – не длительность состояния сущностей, а только модус (состояние) мышления, или, иначе, Мыслимое Бытие».

В отношении эйнштейновского времени мы не испытываем серьезного затруднения. Если придерживаться мнения ТОРЫ, что Б-Г Вездесущ и Бесконечен, то это означает, что ЕГО Сознание в состоянии мгновенно переносит внимание в любую точку протяженной СУБСТАНЦИИ. При этом скорость распространения сигналов в спиновозской СУБСТАНЦИИ должна быть бесконечной: $v_{max C} \approx \infty$, причем опережая нарастание единичного отрезка Протяженности dS . Иными словами

$$t_{sC} = \lim_{dS \rightarrow \infty} \frac{dS}{v_{max C}} \approx 0. \quad (4.244)$$

Данное обстоятельство вполне уместается в рамки даже нашего ограниченного сознания, омраченного научным рационализмом. Тем более что прослеживается вполне логичная последовательность нарастания скорости распространения волновых возмущений с последовательным углублением в толщи Бытия. Скорости возмущений в атомистических средах значительно ниже скоростей аналогичных процессов в вакууме. Не исключено, что в Протил-Плероме эти скорости еще выше и т. д. до самых высших Сфирот Бытия.

Значительно сложнее обстоит дело в отношении бальцмановского времени. Равенство нулю бальцмановского времени для спиновозской СУЩНОСТИ Бытия, по сути, означает, что все ЕЕ Развитие произошло мгновенно и сразу во всем великолепии и в полном соответствии с заранее разработанным планом – ТОРОЙ. Как бы чудовищно это ни выглядело для современных материалистически воспитанных и настроенных умов, но именно такой взгляд на Бытие Б-ГА, Царя Вселенной и Властелина Вечности, и живет в потаенных «уголках» иуда-

изма: «Б-Г за шесть Гигантских «усилий» Сотворил все – от Начала до Конца, а на седьмом этапе Почил, и Грезит как во сне, Вспоминая и Анализируя Произошедшее». Так или иначе, но ТОРА через еврейских пророков много раз Говорит о будущем в прошедшем времени, как о давно свершившемся факте: «пал Вавилон», – говорит пророк за 500 лет до его падения. Аналогичная ситуация в Евангелие – в Откровении святого Иоанна Богослова большинство глаголов стоят в прошедшем времени. Нечто подобное происходит и с человеком, но только в ином порядке. Доктор Моуди в своих книгах «Жизнь после смерти» и «Жизнь после жизни» приводит свидетельства людей, переживших клиническую смерть. По их свидетельствам, во время внезапного ухода из жизни перед сознанием умирающего человека за считанные доли секунды пробегают картины всей его земной жизни. Но как бы быстро этот процесс ни происходил, человек успевает осознать все тонкости складывавшихся жизненных ситуаций и понять, когда он был прав, а когда ошибался.

Как высшую цель философского пути Спиноза проповедовал видение вещей *sub specie aeternitatis* (с точки зрения Вечности), освобождающее от страстей состояние Мира и Покоя. Мир, Покой и беспристрастие, по единодушному утверждению современников, символ Существования Б-ЖЕСТВЕННОЙ СУБСТАНЦИИ Спинозы. Во всяком случае, СУБСТАНЦИЯ Спинозы не имеет ничего общего с механистическими средами исходного уровня материальности Декарта. Она несоизмеримо многообразнее и многоплановее. В бесконечном многообразии ЕЕ Атрибутов (качеств), которые в совокупности воспринимаются как «Пустая протяженность» – Маком (Место). В иудаизме ивритское слово Маком (Место) и есть одно из Имен ТВОРЦА.

Спиноза чувствует, что Б-Г Мыслит геометрически, т. е. результаты ЕГО Мышления Проявляются через сложнейшие геометрические изменения глобальных и локальных участков «Пространственной» (т. е. в среднем «пустой») протяженности.

В Каболе всякое скрытое влияние называется «окружением сверху», ибо скрытый мир по своей ступени выше мира раскрытого. Мысли и Знания ВСЕВЫШНЕГО, Которыми ОН Знает каждое творение сверху донизу, внутри и в глубинах его, совершенно реальным образом.... Но так как Знание – категория бесконечная, оно не называется облекающимся в творение конечное и ограниченное, но окружающим и охватывающим, хотя это Знание охватывает всю его толщину и нутро на самом деле и тем самым из небытия вызывает его к существованию (Тания, 48: 5–7).

Однако выразить это ощущение геометрически Спиноза не мог. Аналитическая геометрия Декарта оказалась вполне пригодной для описания упрощенной однородной и изотропной протяженности, которой рассудок Декарта приписал механические свойства тонкоматериальной субстанции – эфира. Но такая примитивная декартова геометрия в ортогональном (правильном) базисе координат никоим образом не подходила Спинозе для описания многоликой, бесконечно сложной и невероятно тонко и глобально Мыслящей СУБСТАНЦИИ. «Б-Г Есть СУЩЕСТВО, Обладающее бесчисленным количеством атрибутов, каждый из которых бесконечен, т. е. в Высшей Степени Совершенен в своем роде, – писал Спиноза – То, что Знает Б-Г, так же мало походит на то, что знает человек, как Созвездие Пса на лающее животное, а, может быть, еще меньше». Во времена Спинозы, так же как и в наше время, не было геометрии, способной описывать в среднем Отсутствующую, но при этом бесконечно сложно устроенную и, более того, необыкновенно тонко Мыслящую (т. е. в Высшей степени РА-ЗУМНУЮ) «ПРОТЯЖЕННОСТЬ». Геометрия (точнее, Психопротяженнометрия) будущего должна будет обладать внутренней потенцией охвата всей бесконечной гаммы возможных состояний локальных и глобальных участков Б-ЖЕСТВЕННОЙ Отсутственности (т. е. в среднем «ПУСТОЙ Протяженности»). Более того, эта «Психопротяженнометрия» должна будет содержать достаточное количество собственных симметрий, отвечающих за сохранение различных типов движения возмущений на псевдоповерхности Этой в среднем «Отсутствующей» и вместе с тем Живой и Протяженной СУБСТАНЦИИ.

Декарту было легче, чем Спинозе, поскольку он овладел аналитической геометрией, вполне удовлетворяющей требованиям описания им же искусственно вычлененной из бесконечных проявлений Бытия наипростейшей формы однородной и изотропной субстанциональной протяженности – мирового эфира.

Из-за отсутствия возможности опереться на достаточно сложную геометрию Спиноза в пику Декарту пошел иным путем. Для описания СОВЕРШЕНСТВА Спиноза прибег к наиболее совершенному в его время – геометрическому способу построения формальной логики своей философии. Для описания НАИЛУЧШЕГО Спиноза использовал лучшее из того, что у него могло быть в распоряжении – геометрический метод изложения. Спиноза вводит сначала дефиниции (определения), затем аксиомы (суждения), далее доказуемые теоремы, снабжаемые схолиями (пояснениями). Приведем примеры геометрического подхода Спинозы:

Определение 1: «Б-Г – Есть, Это СУЩЕСТВО (СУБСТАНЦИЯ), обладающее бесчисленным количеством Атрибутов (Качеств, обладающих собственными Субстанциями), из которых каждый Бесконечен и Совершенен в своем роде».

Определение 2: «Под Атрибутом, или Субстанцией, я понимаю то, что Существует в Себе и Мыслится через Себя и в Себе», так что понятие об Атрибуте, или Субстанции, не заключает в Себе понятия какой-нибудь другой Сущности».

Определение 3: «Под модификацией, или акциденцией, я разумею то, что существует в другом и мыслится через это другое, в котором оно существует».

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

- Аксиома 1: «Субстанция по своей природе первичнее своих акциденций».
- Аксиома 2: «Кроме Субстанций и акциденций, ничего не существует вне УМА (т. е. в Реальности).
- Аксиома 3: «Сущности, обладающие различными атрибутами не имеют между собой ничего общего».
- Аксиома 4: «Сущности, не имеющие ничего общего между собой, не могут быть одна причиной другой».
- Теорема 1: «В СУБСТАНЦИИ не может существовать двух Субстанций, обладающих одинаковыми атрибутами». (Так и подмывает указать на принцип Паули.)
- Теорема 2: «Субстанция не может быть произведена ничем, даже другой субстанцией, но существование принадлежит к сущности Субстанции».
- Теорема 3: «Каждая Субстанция по природе своей бесконечна или в высшей степени совершенна в своем роде».
- Схолия 1: «Существование Атрибута, или Субстанции, следует из определения. Ибо всякое Определение или всякая ясная и отчетливая Идея – Истины».

С другой стороны, Спиноза, используя геометрический метод, стремился отвергнуть свойственный многим схоластам абстрактный метод построения силлогизмов и малоэффективные правила риторики, присущие эпохе Возрождения. Геометрический метод Спинозы дает преимущество неэмоционального толкования предмета, обеспечивая беспристрастную объективность, свободную от иррациональных и алогичных искажений, что в большой степени благоприятствовало воплощению идеала: «увидеть самому и заставить других видеть то, что выше страстей, смеха и слез, в свете чистого разума».

Стиль Декарта определил научный вкус интеллектуальной элиты христианской Европы XVII века. Данное обстоятельство не мог не учитывать Спиноза, оказавшийся в полной изоляции от иудейской общины. Спиноза вынужден был разговаривать с миром на понятном для мира языке. Трагедия Спинозы связана с чрезвычайной скудностью этого языка. Этому гиганту мысли пришлось «дышать интеллектуальным вакуумом», и из этой «интеллектуальной пустоты» он произвел «нечто» будоражащее умы и по сей день.

В первой части «Этики», посвященной Б-ГУ, Спиноза вводит и развивает понятие Б-ЖЕСТВЕННОЙ СУБСТАНЦИИ как причины САМОЙ СЕБЯ (*causa sui*): «Под причиной САМОЙ СЕБЯ (*causa sui*) я разумею ТО, СУЩНОСТЬ ЧЕГО заключает в СЕБЕ Существование, иными словами, Чья Природа может быть представлена не иначе как СУЩЕСТВУЮЩИЙ». Напомним, что в иудаизме ТЕТРАГРАММАТОН трактуется как «БЫЛ, ЕСТЬ И ГРЯДЕТ», т. е. СУЩИЙ.

В «Основах философии» Декарт определил субстанцию как «*res quae ita existit ut nulla alia re indigeat existendum*» (вещь, для существования которой не нужно ничего другого, кроме нее самой).

Подобно Каболе, отделяющей ТВОРЦА от Творения через сложно вложенную систему четырех миров с присутствием в них ТВОРЦА в виде десяти основных исчисленных Качеств (Сфирот), Спиноза разделяет ВСЕ СУЩЕЕ на две составляющие – *natura naturans* (т. е. «ПРИРОДУ ПОРОЖДАЮЩУЮ») и *natura naturata* («Природу Порожденную»), которая в свою очередь, разделяется на общую и особенную. Общая состоит из всех модусов (состояний), непосредственно зависящих от Б-ГА. Особенная состоит из всех особенных вещей, порождаемых Всеобщими Модусами. А в Каболе мир Ацилут (Эманации), проистекающий из Эйн Соф, Благословен ОН, и есть «ПРИРОДА ПОРОЖДАЮЩАЯ», а три последующих мира: Брия (мир Творения), Ецира (мир Созидания), Асия (мир Действия) – «Природа Порожденная».

По Каболе, в теле Мира, так же как в теле человека, 248 членов и 365 кровеносных сосудов, соответствующих, 613 заповедям ТОРЫ. Душа подобным же образом разделяется на 613 частей с тем же соотношением. 613 видов сил и жизнотворности заключены в душе, в ее сути и сущности, дабы стать явными и выйти из потенциального состояния и оживлять 248 членов и 365 кровеносных сосудов, находящихся в теле, через их облечение в витальную душу, которая также заключает в себе эти 248 сил и 365 видов жизнотворности.

И о проистечении всех 613 видов сил и жизнотворностей из души, где они находятся в состоянии утаенности, к телу, дабы его оживлять, сказано, что в основном место и пребывание этого проистечения и этого раскрытия целиком в мозгу, который в голове. И потому мозг первым получает надлежащую ему силу и жизнотворность в соответствии с его сложением и свойством, и это – Хохма (Мудрость), Бина (Понимание), Даат (Знание), и силы мышления, и все, что имеет отношение к мозгу ...и общность всех проистечений жизнотворной силы к остальным членам тела также заключена в мозгу, который в голове. Там – основа и корень этого проистечения в состоянии раскрытия света и жизнотворной силы всей души в целом, а оттуда распространяется отражение ко всем остальным членам... Сила зрения раскрывается в глазу, сила слуха – в ухе и т.п. И все силы распространяются от мозга – там основное место пребывания всей души в состоянии раскрытия. Силы общей жизнотворности светят и распространяются оттуда ко всем органам тела, подобно свету от солнца. И даже сердце получает от мозга, и потому мозг властвует над ним (Тания, 51: 3).

Б-Г Спинозы – это Б-Г Саваоф (Множеств) ТОРЫ, на КОТОРОМ философ с юности сосредоточил свое внимание. Но ОН не личностный Б-Г с Волей и Разумом, а НЕКАЯ непознаваемая *amor fati* (НЕИЗБЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ), СУЩНОСТЬ значительно более Глубинная и Таинственная, чем Личность. Философ считал, что воспринимать Б-ГА как Личность означало бы сделать его антропоморфным, а это в Каболе свойственно лишь более низкой ступени Бытия – Адаму Кадмону (Космическому Человеку). Б-Г Спинозы (СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПРОИЗВОДЯЩАЯ) не Творит нечто отличное от СЕБЯ. Будучи не «действующей извне ПРИЧИНОЙ», а скорее «ПРИЧИНОЙ ИММАНЕНТНОЙ», ОН неотделим от Сущностей, исходящих от НЕГО. Б-Г Спинозы и не Провидение в традиционном смысле, но представляет собой АБСОЛЮТНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ, совпадающую со спинозовским пониманием СВОБОДЫ как познанной НЕОБХОДИМОСТИ. И вот Такого Б-ГА Спиноза мучительно пытался внедрить в тесные схемы метафизических категорий картезианской философии. В результате Спиноза во многом остался не понятым ни его оппонентами, ни его апологетами.

«Спиноза, может быть единственный, кто свел Б-ЖЕСТВО к убожеству. И какому убожеству! Порой столь великому, что его Б-Г впадает в отчаяние и готов уничтожить СЕБЯ, если бы только это было в ЕГО силах...» – писал Пьер Бейль в «Историческом и критическом словаре» в статье, посвященной Спинозе.

СУБСТАНЦИЯ (Б-Г Спинозы), будучи Бесконечной, выражает и проявляет свою СУЩНОСТЬ в бесконечном множестве форм и образов: это «Атрибуты» (необходимые, неотъемлемые свойства СУЩНОСТИ). Атрибуты, поскольку каждый из них выражает бесконечность Б-ЖЕСТВЕННОЙ СУБСТАНЦИИ, должны восприниматься «сами по себе», иначе говоря, один без помощи другого, но не как-то, что существует само по себе (они неслиянны и нераздельны): в СЕБЕ и САМ по СЕБЕ – только Исчезающая в бесконечности Атрибутов Б-ЖЕСТВЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ.

В одной из схолий Спиноза объясняет: «Ясно, что если даже два Атрибута воспринимаются как действительно различные, т. е. один без помощи другого, мы тем не менее не можем заключить, что они представляют собой два существа или две различные Субстанции; в самом деле, природе Субстанции свойственно, что каждый из ее атрибутов воспринимается сам по себе, ибо атрибуты, которыми Она обладает, всегда находятся с Ней вместе, один из них не может быть произведением другого, но каждый выражает реальность или сущность Единой СУБСТАНЦИИ. Следовательно, не абсурдно приписывать одной и той же Субстанции множество атрибутов, напротив, в природе нет ничего более ясного: каждое существо должно восприниматься в форме какого-либо атрибута, и есть множество атрибутов, выражающих его необходимость, т. е. вечность и бесконечность, в зависимости от значимости. Следовательно, нет ничего более ясного: абсолютно бесконечное СУЩЕСТВО следует определить как СУЩЕСТВО, состоящее из бесчисленного множества атрибутов, каждый из которых выражает определенную вечную сущность». Кабола утверждает, что Мир существует благодаря присутствию в нем таких Качеств ТВОРЦА, как Мудрость, Понимание, Милосердие, Доброта и Справедливость.

Кроме СУБСТАНЦИИ и ЕЕ «Атрибутов» (Качеств) Спиноза в своей философии вводит «Модусы» – Состояния СУБСТАНЦИИ или ЕЕ составляющих Субстанций. Без СУБСТАНЦИИ и ее Атрибутов (Субстанций) не было бы «модусов» – возмущений на «Теле» Бытия СУБСТАНЦИИ или «Теле» Бытия составляющих ЕЕ Субстанций. Спиноза ввел в рассмотрение два типа Модусов (Устойчивых Возмущений) – Бесконечные Модусы и конечные модусы. Бесконечный Модус бесконечного атрибута Мышления, например «бесконечный разум» и «бесконечная воля», бесконечные Модусы бесконечного Атрибута протяженности – «движение и состояние покоя». Бесконечным Модусом (Состоянием) является также Мир как совокупность или, по выражению Спинозы, «лицо Вселенной, которое, хотя и меняется в деталях, в целом остается тем же самым». По Спинозе: ««Добро» и «зло» – суть «Модусы Мышления»».

Одно из суждений «Этики» специально оговаривает: «Единое, чем бы оно ни было, т. е. любая конечная сущность, имеет определенное существование, поэтому не может существовать иначе, чем с помощью другой причины, которая так же конечна, и определена, и так далее до бесконечности». Модус, соответствующий природе бесконечного атрибута Б-ГА, так же бесконечен, прочее же связано с конечной модификацией и имеет определенное существование. Бесконечное порождает только бесконечное, а конечное порождено конечным.

Под Б-ГОМ Спиноза понимает СУБСТАНЦИЮ с ЕЕ бесконечными, так же субстанциональными Атрибутами. Мир, напротив, состоит из модусов, бесконечных и конечных. Однако одни без других существовать не могут, следовательно, все неизбежно детерминировано Природой Б-ГА, ничто не существует случайно и мир является необходимым «следствием» Б-ГА.

Б-Г Спинозы не материализует сущности по образцу собственных идей, как это делали Демиурги античных философов. Б-Г Спинозы – это каболистический Б-Г, Который вовсе не Творит Мир в традиционном понимании, – Мир просто поступенно Истекает из НЕГО сразу во всем своем совершенстве.

Сейчас мы можем понять, почему Спиноза не приписывал Б-ГУ Разум, Волю, Любовь. Б-Г есть полное СОВЕРШЕНСТВО, СВЯТОЕ-СВЯТЫХ, под которым Спиноза понимает МЫСЛЯЩУЮ СУБСТАНЦИЮ, в то время как Разум, Воля и Любовь являются лишь «Модусами» Абсолютного Мышления, представляющего собой лишь один из Атрибутов (Качеств, т. е. Сфирот, Счислений) СВЯТОГО-СВЯТЫХ. Поэтому, как бы ни

Глава 4. Односторонняя (асимметричная) теория деформации

понимались «Модусы» – «бесконечные» или «конечные» – они принадлежат к *Natura Naturata* (Природе Порожденной), т. е. к «внешнему» по отношению к Б-ГУ Миру. Следовательно, нельзя сказать, что Бог задумал сотворение Мира Разумом. Достаточно того, что ОН Возжелал его создания в результате Свободного Выбора или сотворил его из ЛЮБВИ, ибо все это «апостериорно» (из опыта, на основании опыта) Б-ГУ и от НЕГО происходит. Приписывать эти свойства Б-ГУ означало бы путать ПОРОЖДАЮЩУЮ ПРИРОДУ с Порожденной.

В философской системе Спинозы критики находят и недостатки. Приведем два из них.

1. Спиноза не в состоянии объяснить, каким образом в рамках Б-ЖЕСТВЕННОЙ СУБСТАНЦИИ бесконечные Атрибуты преобразуются в конечные модификации и как рождается конечное, и как из СОВЕРШЕННОГО порождается не совершенное.

2. Для Спинозы всякое определение является отрицанием, и АБСОЛЮТНАЯ СУБСТАНЦИЯ – абсолютно позитивное СУЩЕСТВО, поэтому не может подлежать определению, иначе говоря, «отрицанию». Это одна из самых сложных апорий системы Спинозы, с которой связан целый ряд трудностей, но которую необходимо показать для того, чтобы адекватно осознать остальную часть системы.

3. Дедуктивно-геометрический метод, примененный Декартом и высоко ценимый Гоббсом, при всей своей видимой ясности часто не раскрывает, а скрывает сокровенные мотивы суждений Спинозы, поскольку выбор Спинозы основан не на одной мотивации, а на многих.

Внесем пояснение. Мы в отношении Б-ГА – СУБСТАНЦИИ Спинозы использовали здесь местоимение ОН и ОНА не только потому, что Б-Г – Мужского рода, а СУБСТАНЦИЯ – Женского. И вовсе не потому, что ЭТО – Невыразимо МОГУЩЕСТВЕННОЕ и Непостижимо ТАИНСТВЕННОЕ, ЕДИНОЕ Б-ЖЕСТВО на некотором уровне Бытия начинает приобретать антропоморфный характер и с неотъемлемым разделением на два единственно противоположных пола, которые затем явно проявляются на всех уровнях Бытия в виде особой мужского и женского пола. Просто в НЕРАЗДЕЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ Исходной Б-ГО-СУБСТАНЦИИ неминуемо должна присутствовать Потенция разделения на АКТИВНОЕ (Мужское) и ПАССИВНОЕ (Женское) НАЧАЛА. Если бы не было такого разделения в ПОТЕНЦИИ ПРИРОДЫ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ, то, по Спинозе, это не могло бы проявиться и на различных уровнях Бытия Природы Порожденной.

Общее правило ТОРЫ – скрывать Женские имена ЕДИНОГО Б-ЖЕСТВА как наиболее Тайные. Но не из-за уязвимости, а из-за наибольшей опасности приближения к НИМ. Ибо МУЖСКИМ Проявлениям ЕДИНОГО Б-ЖЕСТВА более Присуша «Милость», а ЖЕНСКИМ – «Справедливость». То, что допустимо в отношении МУЖСКОЙ ИПОСТАСИ Б-ЖЕСТВА, совершенно невыносимо в отношении ЕГО ЖЕНСТВЕННЫХ Проявлений, ибо это смертельно опасно. Спиноза учил «Ненависть растет, когда она взаимна», но может «растает от Любви».

Рене Декарт и Барух Спиноза образуют взаимно-дополняемое единство, сформировавшее срез зрелого философского наследия эпохи Возрождения, предопределившее развитие Западной цивилизации на последующие 350 лет. Декарт перевел христианское мировоззрение (Библию) на язык натуральной философии.

Воспитанник колледжа Ла-Флеш католического ордена Иисуса Христа (иезуитов), Декарт с детства впитал в себя внесенное Евангелием разделение мира: на Царствие Б-ЖИЕ и царствие князя мира сего; на Небеса, населенные Б-ЖИИМИ Ангелами и грешную землю; на ОТЦА Небесного, Б-ГА ЛЮБВИ, и сатану (дьявола, древнего змия), воплощение Зла. Биполярность Евангелия отразилась в дуалистической доктрине картезианской философии, отделившей материальную субстанцию от субстанции духовной. Первой декартовой системой координат было Распятие Спасителя.

Спиноза же явился натурфилософским выразителем идей иудаизма (ТОРЫ). Оба философа хотя и конфликтуют по ряду положений единой, ими же вызванной к Жизни натурфилософии, но оба по-своему правы. Спор этих гениев схож с бесконечным спором двух мудрецов Талмуда, которые хотя и высказывают противоположные суждения, опираясь на Мнения Мишны и Брайты, но оба всегда остаются по своему правыми. Данное обстоятельство позволяет ортодоксальной еврейской общине выживать в изменчивом мире, принимая руководством к действию то мнение одного амора, то другого. Вот и ныне время Декарта подходит к концу. Наступает эпоха Спинозы. Но без Декарта и Спиноза никогда не был бы понят.

В следующей главе мы приступаем к изучению «тела» Протил-Плеромы – Протяженной Эссенции фундаментального (~10⁻²¹ см) уровня Бытия, наделенной элементами мышления. Вот теперь без философии Спинозы нам было бы значительно труднее, но без натуралистических воззрений Декарта мы не достигли бы и этого.

Применяя философскую систему Спинозы к данному исследованию, мы полагаем, что Все происходит из Единого Б-ЖЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА, Обладающего колоссальным Всеобъемлющим Мышлением и вездесущим Протяжением с неисчислимыми локальными и глобальными формами проявления. ЕДИНСТВО лишь искусственно подразделяется на относительно самостоятельные Атрибуты, наделенные особыми комплексами свойств и состояний (модусов). Среди бесконечного спектра Атрибутов Единой Протяженной СУЩНОСТИ есть проявления Качеств Стихий: «Воздух», «Воды», «Огонь» и «Земля».

Каждая из этих Стихий – это единый, в большей степени законченный, своеобразный Организм, обладающий собственным относительным Сознанием (Мышлением) и протяженностью («телом») с характерными им свойствами. Свойства протяженностей Стихий проявляются на всех уровнях Бытия в своеобразно-

неповторимой форме. Но независимо от уровня Бытия «телу» Стихии «Воздух» всегда присущ характер газов; «телу» Стихии «Воды» – характер жидкостей; «телу» Стихии «Огонь» – характер огня; Стихии «Земля» – характер твердых тел. Нет такого уровня и места, где бы не было протяженности с проявлениями этих Атрибутов. Они присутствуют повсеместно, в постоянном теснейшем контакте и взаимодействии, но в разных пропорциях по отношению друг к другу. Для Алсигны это важно потому, что Характер доминирующей Стихии влияет на характер геометрии, описывающей тот или иной уровень псевдоповерхности Естества.

В ответ на запрос раби Г. С. Гольдштейна (раввина Нью Йорка): «Верите ли Вы в Б-ГА?» Эйнштейн ответил: «Я верю в Б-ГА Спинозы, Проявляющего СЕБЯ в упорядочности мира, но не в Бога, занимающегося судьбами и делами людей» [139]. Спиноза, оказавший наибольшее влияние на философские воззрения Эйнштейна, учил, что только математический способ мышления ведет к истине.